
Елена
СМЕЛИНА
БРАК
На его условиях
18+

Елена Смелина

Брак на его условиях

«Автор»
2026

Смелина Е.

Брак на его условиях / Е. Смелина — «Автор», 2026

Он – человек, которого я считаю виновным в смерти моей сестры.И мужчина, за которого меня вынуждают выйти замуж.Арсений Рябов не спрашивает моего согласия. Он уже всё решил.– Ты – самый простой способ закрыть мои проблемы.Для него это сделка. Для меня – ловушка.Я не собираюсь в ней оставаться.Вот только он, кажется, просчитал каждый мой шаг.

© Смелина Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 12
Глава 4 14
Глава 5 16
Глава 6 18
Глава 7 20
Глава 8 23
Глава 9 26
Глава 10 29
Глава 11 32
Глава 12 34
Глава 13 37
Глава 14 41
Глава 15 44
Глава 16 47
Глава 17 50
Глава 18 52
Глава 19 55
Глава 20 58
Глава 21 61
Глава 22 64
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Елена Смелина
Брак на его условиях

Глава 1

— Черное? — Милана скользит внимательным взглядом по моему платью и чуть приподнимает бровь. — На открытие?

В зале светло, пахнет холстами и свежей краской. Люди улыбаются, переговариваются, рассматривают полотна, как будто ничего не произошло.

Сжимаю бокал сильнее.

— Мне не до дресс-кода.

— Это выставка, Алина, а не… — она обрывает себя на полуслове, но пауза звучит громче.

Месяц прошел с похорон Дарьи.

Черное — это единственное, что сейчас имеет смысл.

Милана сглатывает и возвращает улыбку — ровную, как линия на холсте.

— Проходи. Все уже здесь.

Илья держится рядом, качая головой. Его пальцы привычно ложатся на мое запястье.

— Могла бы выбрать что-то менее… вызывающее, — произносит он тихо.

Освобождаю руку.

— Вызывающе — это устраивать выставку через месяц после похорон моей сестры.

На секунду в его лице что-то меняется.

— Мы все переживаем по-своему.

— Конечно.

Со мной здороваются. Люди вокруг кивают. Кто-то говорит «держитесь». Слова пролетают мимо.

Еще немного — и можно будет уйти.

Милана вдруг замирает.

— Я его не приглашала, — произносит она без улыбки, разглядывая кого-то за моей спиной. — Как он вообще прошел?

Гул в зале проваливается.

Оборачиваюсь.

У входа стоит Арсений Рябов. Руки в карманах, взгляд — прямо на меня. На секунду сбивается дыхание.

— Сделаем вид, что не замечаем его присутствия, — Илья наклоняется ближе.

В груди болезненно сжимается.

— Сделаем вид? — голос звучит чужим.

— После всего? — Милана уже не скрывает раздражения.

Рябов ухмыляется и направляется к нам.

Не спешит. Не оглядывается по сторонам. Идет так, словно это его зал.

Останавливается рядом. Ближе, чем нужно.

— Алина.

Гад. Тут все считают, что он причастен к смерти моей сестры, а ему хоть бы что.

— Даже не подходи.

Взгляд скользит по платью, задерживается.

— Траур тебе идет.

На секунду в голове становится пусто, а потом в лицо ударяет жар.

Жду, что Илья что-то скажет. Хоть что-нибудь.

Поворачиваю голову. Он отводит взгляд.

— Тебе мало того, что случилось с Дарьей? — бросаю, с трудом сдерживая ярость.

Он не отвечает сразу.

— Вопрос в том, что ты считаешь правдой.

— Закрой рот.

— Алина, не здесь, — Илья касается моего локтя.

Отдергиваю руку.

— А где? На яхте было удобнее?

Голоса вокруг становятся тише.

— Странно, что ты спрашиваешь меня, — бросает Рябов не глядя.

Слова падают между нами.

Илья молчит.

Пальцы сами поднимают бокал.

Красное вино льется Рябову в лицо, стекает крупными каплями на светлую рубашку и пиджак.

Он не двигается. Достает платок, медленно проводит по щеке.

Взгляд не отрывается от моего лица. Обжигающе холодный.

— Мы еще увидимся, Алина.

Разговоры обрываются. Кто-то роняет бокал. Люди отворачиваются, делают вид, что ничего не произошло. И только теперь понимаю, что сделала.

— Отвези меня домой, — прошу Илью.

Он кивает чересчур быстро.

Дверь галереи закрывается за спиной, отрезая шум голосов. Снаружи прохладнее, воздух чище, но легче не становится.

Илья открывает машину, придерживает дверцу. Ждет, пока сяду.

Скользнув на сиденье, отворачиваюсь к окну. Дверь закрывается с глухим звуком, будто ставит точку в этой сцене.

Мотор заводится сразу. Машина плавно выезжает со стоянки.

Первые минуты проходят в тишине. Только редкий свет фонарей скользит по стеклу и гаснет.

Пальцы сжимают ремешок сумки.

— Прости, — говорю, не глядя на него. — Не стоило портить Милане праздник.

Илья кивает, не поворачиваясь.

— Да.

Жду, что он добавит что-то еще — скажет, что понимает, и это было оправдано, Рябов сам спровоцировал.

Но тишина остается.

— Он не имел права приходить, — произношу уже жестче.

— Это неважно.

Голос ровный, без привычного раздражения или поддержки.

Поворачиваю голову.

— Неважно?

Илья на секунду сжимает руль сильнее, потом отпускает.

— Сейчас не время для таких сцен.

Слова звучат чужими. Отстраненным.

Рука сама тянется к нему, ложится поверх его пальцев на коробке передач.

Он не отдергивает.

Но и не отвечает.

Наклоняюсь ближе, почти касаясь губами его щеки.
Илья слегка отстраняется. Настолько легко, что можно было бы не заметить.
Но расстояние между нами появляется сразу.
Смотрю на него.
— Ты серьезно?
Он выдыхает, будто устал.
— Алина… давай не сейчас.
Откидываюсь на спинку сиденья, сцепляя пальцы.
Наверное, его просто выбило из колеи после встречи с Рябовым.
Другого объяснения нет.
Машина сворачивает к дому. Фары выхватывают ворота, затем фасад.
Илья останавливается у крыльца, глушит двигатель.
Несколько секунд сидим в темноте.
Он не выходит.
— Отдохни, — произносит наконец.
Без попытки удержать.
Открываю дверь, выхожу. Холодный воздух бьет в лицо.
Дверь захлопывается, и почти сразу машина трогается с места.
Свет фар скользит по стене дома и исчезает.
Поднимаюсь на крыльцо, открываю дверь.
Внутри тихо. Теплый свет льется из кабинета отца.
Снимаю пальто, медленно вешаю на крючок.
— Где ты была? — голос доносится из глубины дома.
— На выставке.
Шаги. Отец выходит в коридор, останавливается напротив.
Взгляд цепляется за платье, задерживается на лице.
— Я уже слышал.
Не сомневаюсь.
— Тогда ты знаешь, что произошло.
— Знаю достаточно.
Пауза затягивается.
— У нас проблемы, — произносит он устало.
Не спрашиваю какие.
— И решать их придется быстро.
Смотрю прямо.
— Я не в настроении сейчас обсуждать бизнес.
Он чуть качает головой.
— Это уже не про бизнес.
Пауза становится короче.
— Ты выходишь замуж.

Глава 2

— Ты выходишь замуж.

Не сразу понимаю смысл. Наверное, потому что голова еще там, в машине, где Илья отстранился от меня так осторожно, что я почти убедила себя: мне показалось.

— Я уже помолвлена, — произношу устало.

Отец молчит.

И этого хватает, чтобы внутри что-то неприятно шевельнулось.

— Пап?

Александр Воронцов смотрит не на меня — на черное платье. На сложенные на груди руки и изумленное выражение лица. Так смотрят не на дочь, а на проблему, которую давно пора решить.

— Речь не о Крылове.

Воздух становится гуще.

— Тогда о ком?

Ответ приходит без подготовки и жалости.

— Об Арсении Рябове.

Сначала — ничего.

Только странная пустота, словно кто-то ударил по стеклу, а оно еще не рассыпалось.

— Это не смешно.

— Я не шучу.

— Он причастен к смерти Дарьи.

Отец моргает. Медленно.

— Ты этого не знаешь.

— Об этом все говорят.

— Люди болтают много лишнего.

— Ты серьезно сейчас? — голос срывается. — После всего, что случилось, ты предлагаешь мне выйти за него?

Отец проводит ладонью по лицу. Вид у него встревоженный, но не растерянный. Заметно, что решение обдумано и принято давно.

— Ты сам одобрил мой брак с Ильей. Говорил, что Крыловы хорошая партия.

— Раньше у меня было две дочери, — произносит он.

Фраза бьет сильнее, чем имя Рябова.

Картинка в голове складывается постепенно. Кусками.

Дарья. Ее поездка. Улыбки на фотографиях, где рядом Рябов. Сообщения, которые я перечитывала до боли в глазах. И то, как отмалчивался отец, когда я спрашивала, зачем вообще Дарья оказалась в той компании.

— Нет, — выдыхаю. — Ты не мог.

Он отводит взгляд.

И это хуже ответа.

— Дарью тоже?.. — не получается договорить.

— Не драматизируй.

Слова режут. Холодно, чисто.

— Не драматизировать? — Смеюсь, но звук выходит некрасивым. — Ты только что признал, что сначала продал Дарью, а теперь меня. Это как называется?

— Сделка.

Смотрю на него и не узнаю.

В детстве этот человек носил меня на плечах. Покупал Даше клубнику зимой, потому что ей хотелось. Стоял между нами и любым злом.

А теперь сам открывает ему дверь.

— Я не товар.

— Никто тебя не продает.

— Нет? А как это называется?

— Бизнес рушится, Алина. У нас долги. Большие. И времени нет.

— Значит, продай дом.

— Не хватит.

— Машины. Акции. Что угодно.

— Не хватит.

Каждое «не хватит» гасит варианты один за другим.

— Сколько?

Отец впервые смотрит прямо.

— Неважно.

— Сколько?

Он называет сумму.

На секунду даже злость отступает.

Слишком много.

Это уже не про «затянуть потуже пояса» или «переждать пару месяцев». Столько не попросишь у друзей.

Дыра. Черная, холодная.

— И Рябов согласен закрыть это браком?

— Он согласен закрыть сразу несколько вопросов.

Входная дверь за моей спиной открывается.

Без звонка. Просто щелчок — и в дом входит человек, которого здесь вообще не должно быть.

Арсений Рябов бросает взгляд на отца, потом на меня.

На секунду кажется, что в коридоре становится теснее. Воздуха меньше.

Выглядит он уверенно, словно пришел оценивать новое имущество. На воротнике рубашки еще можно заметить бледное пятно от вина, если знать, куда смотреть.

Я делаю шаг назад раньше, чем успеваю понять, зачем.

— Ты впустил его в наш дом.

Отец не отвечает.

Рябов проходит в гостиную так, словно не нуждается в разрешении. Останавливается на расстоянии вытянутой руки. Слишком близко. Ближе, чем должен стоять посторонний мужчина.

— Доброго вечера, Алина.

— Убирайся.

— Невежливо.

— А чего ты ждал?

Он чуть наклоняет голову.

— Что ты начнешь думать быстрее.

Хочется ударить его по лицу, чтобы эта холодная уверенность наконец треснула.

— Я не выйду за тебя.

— Об этом уже говорили.

— Тогда повторю. Даже если бы ты был последним мужчиной на земле, я бы предпочла одинокую старость.

— Не обольщайся. Ты не мой типаж.

Жар возвращается — резкий, почти болезненный.

Хочется отступить. И остаться на месте одновременно.

— Конечно. Ты просто решил добить мою семью?

— Твоя семья отлично справляется и без меня.

Отец резко смотрит на него, но Рябов даже не поворачивает головы.

— Зачем? — спрашиваю. — Если тебе нужны деньги — забери бизнес. Возьми все, что мы тебе должны. Зачем этот спектакль?

Арсений молчит пару секунд. Не ищет ответа. Выбирает, что сказать.

— Ты самый простой способ закрыть сразу несколько проблем.

— Проблем?

— Долги твоего отца. Слухи вокруг моего имени. И твоя привычка бросаться обвинениями при свидетелях.

— Ты боишься слухов?

В уголке его рта появляется короткая усмешка.

— Я ими пользуюсь, когда они полезны. Твои — нет.

— Значит, свадьба должна закрыть мне рот?

— В том числе.

Отец шумно выдыхает.

— Арсений…

— Она спросила. Я ответил.

Смотрю на этих двоих, и внутри что-то леденеет.

— Дарья тоже была частью вашей сделки?

В этот раз Арсений отвечает не сразу.

— Не впутывай ее, — наконец произносит он.

— Поздно. Вы уже впутали.

— Ты не знаешь, о чем говоришь.

— Зато ты знаешь? Ты был там.

На его лице вспыхивает злость.

— Осторожнее.

— А то что? Покончишь со мной?

Тишина становится острой.

Отец делает шаг между нами.

— Хватит.

— Нет, — говорю, не отрывая взгляда от Рябова. — Я хочу понять. Он покупает меня, чтобы я молчала. Ты отдаешь меня, чтобы спасти бизнес. А я что должна делать? Благодарить?

— Ты должна выжить, — говорит отец.

От этих слов становится холодно.

— Что?

Он сразу жалеет о сказанном. Заметно по лицу.

Рябов тоже это слышит. И смотрит уже не на меня — на него.

— Замолчи, Александр.

Первый раз за вечер в его голосе появляется металл.

Отец сжимает челюсть.

А я вдруг понимаю: здесь есть что-то еще. Не только деньги и слухи. Что-то, о чем мне не говорят.

Но сейчас это не важно.

Главное — выйти из этой ловушки.

— Я не согласна.

— Твое согласие всего лишь формальность, — произносит Рябов.

Сжимаю пальцы так сильно, что ногти впиваются в ладони.
Хотели последствий? Получите.
Разворачиваюсь к двери.
— Алина, — отец делает шаг следом.
Не останавливаюсь.
— Куда ты?
Не отвечаю. Срываю с вешалки пальто.
— Алина!
Рябов молчит.
И это молчание злит сильнее крика.
Открываю дверь. Холод врывается в дом, бьет по лицу, забирается под ткань платья.
На крыльце останавливаюсь на секунду.
Если я буду замужем, меня уже никто не продаст.
Никто.
Даже отец.
Сбегаю по ступеням, достаю телефон.
Пальцы дрожат, но номер Ильи нахожу сразу.
Мне нужен он.
Сейчас.

Глава 3

Телефон оказывается в руке раньше, чем я успеваю об этом подумать. Нахожу номер Ильи и нажимаю вызов. Один гудок, второй — и я резко сбрасываю.

Нет. Так не пойдет. По телефону всего не объяснить.

Пальцы сильнее сжимаются на руле. Машина резко перестраивается в соседний ряд. Свет фар скользит по стеклу, дробится и исчезает. Город расплывается, как будто его можно стереть одним движением.

Если я уже буду замужем, им ничего не изменить. Пусть отец сам разбирается с долгами. Я не обязана расплачиваться за это своей жизнью.

Мы с Ильей помолвлены. Остается только немного ускорить.

Он поймет, всегда меня понимал.

Дом появляется за поворотом — темный, аккуратный, с ровной линией света в окнах. Торможу чуть резче, чем нужно. Несколько секунд просто сижу, не двигаясь, слушаю, как внутри гудит напряжение.

Потом выхожу.

Холод цепляет кожу, но это даже помогает. Делает мысли четче.

Звонок.

Дверь открывается.

Илья смотрит на меня — и на долю секунды на его лице мелькает что-то лишнее. Почти незаметное. Как будто ждал не меня.

Сразу исчезает.

— Алина? Что случилось?

Перешагиваю порог не раздеваясь. Внутри тепло, пахнет чем-то свежим, дорогим. Он одет слишком аккуратно для обычного вечера — рубашка без складок, рукава застегнуты, волосы уложены.

В гостиной на столе букет алых роз. Я такие не люблю, слишком вызывающие.

Замечаю краем глаза, но отталкиваю мысль.

Не время.

— Мы должны пожениться.

Он моргает.

— Что?

— Срочно, — слова выстреливают быстрее, чем я успеваю их остановить. — Я понимаю, что не хотела торопиться. Но все изменилось. Нет смысла ждать год. Давай сделаем это сейчас.

Тишина затягивается.

Он смотрит на меня дольше, чем нужно. Без радости. Даже без удивления.

— Это… не лучший момент, — произносит наконец. — Давай не будем решать все так резко. Можно спокойно запланировать. Скажем, на осень. У меня как раз будет окно…

— Нет. — перебиваю. — Ты не понял. Мне нужно сейчас.

Он чуть отступает. Совсем немного. Но расстояние появляется.

— Алина, — в голосе сквозит раздражение. — Что за внезапность? Ты сама говорила, что не хочешь спешить.

— Говорила. До сегодняшнего дня.

— И что изменилось?

Сжимаю пальцы, удерживая мысль, с которой приехала.

— Это неважно. Важно, что нам нужно пожениться. Быстро.

Он смотрит внимательнее. Уже не пытается понять — оценивает.

— Ты в последнее время ведешь себя странно, — произносит медленно. — Я понимаю, смерть сестры… это тяжело. Но тебе стоит немного остановиться. Отдохнуть. Проконсультироваться с врачом.

Слова падают между нами, холодные, аккуратные.

— С врачом? — переспрашиваю, и голос звучит тише, чем я ожидала. — Ты сейчас серьезно?

— Ты не в том состоянии, чтобы принимать такие решения.

На секунду в голове становится пусто.

Он правда так думает.

Звонок в дверь разрезает тишину.

Мы оба замираем.

— Ты кого-то ждешь? — спрашиваю, не отрывая от него взгляда.

— Нет.

Слишком быстро.

Он разворачивается и идет к двери, не приглашая меня за собой. Я остаюсь стоять там же, где стояла.

Щелчок замка, и в коридоре раздается мелодичный женский голос.

— Я так соскучилась.

Илья на секунду заслоняет проход, но я узнаю эти интонации.

— У меня Алина.

Пауза.

Потом Милана появляется в дверях. Останавливается. На секунду теряется — это видно по глазам, по тому, как она чуть задерживается на месте.

— Я… — она переводит взгляд с меня на Илью и обратно. — Заехала обсудить открытие. Нужно решить кое-что по залу.

Пауза выходит неловкой.

Она быстро собирается, выпрямляется, будто возвращает себе контроль, и уже спокойнее добавляет:

— Тебе лучше? Ты выглядела бледной.

Не дожидаясь ответа, проходит внутрь. Пальто остается на плечах, под ним — платье, слишком вызывающе для случайного визита.

Илья разворачивается к ней почти автоматически. Чуть раньше, чем вспоминает обо мне.

Смотрю на них и вдруг понимаю: я здесь лишняя.

— Мне пора, — выдавливаю, с трудом сдерживая дрожь.

Они оборачиваются. Илья будто хочет что-то сказать, но не двигается. Милана просто смотрит.

Никто не пытается меня остановить.

Иду к двери быстро не оглядываясь.

Воздух ощущается холоднее, чем час назад. Машина стоит там же, где я ее оставила.

Сажусь за руль и несколько секунд просто смотрю в темноту, сжимая пальцы.

Я пришла не туда.

Делаю вдох.

Но это ничего не меняет. Так просто я не сдамся.

Есть один человек.

И если он не поможет — у меня не останется шансов.

Включаю фары и срываюсь с места.

Глава 4

Дорога после дома Ильи плывет перед глазами. Свет фонарей дробится, распадается на пятна, и приходится сбросить скорость.

Перед глазами все еще стоит его движение — как он развернулся к ней раньше, чем вспомнил обо мне.

Слезы появляются сами.

Стираю их, сжимая руль сильнее.

Хватит.

Это ничего не меняет.

Мысли собираются в одну линию, четкую, почти удобную.

Есть еще один вариант.

Имя всплывает само, как что-то давно знакомое, почти забытое. Константин Аркадьев. Когда-то он появлялся у нас часто — еще при маме. Разговаривал с отцом на кухне, приносил маме цветы, а нам с Дарьей игрушки, иногда оставался на ужин. От него всегда исходило ощущение, что все под контролем. И ничего плохого рядом с ним случиться не может.

После маминой смерти он исчез. Сначала появлялся реже, потом вовсе перестал приходить. Остались только воспоминания и странное напряжение между ним и отцом в последние месяцы, которое тогда не хотелось замечать.

Поворот. Ворота выскакивают из темноты внезапно — высокие, глухие, с узкой полосой света вдоль дороги. Машина останавливается у поста охраны.

— Вы кто? — голос через стекло звучит равнодушно.

— К Аркадьеву. Алина Воронцова.

Пауза. Взгляд скользит по лицу, по машине, задерживается на секунду дольше, чем вежливо.

— Константин Сергеевич не принимает.

— Передайте, что это срочно.

Охранник не отвечает сразу. Куда-то отходит, возвращается, кивает на парковку сбоку.

— Ждите.

Двигатель глохнет. Тишина ложится плотнее, чем хотелось бы. Минуты тянутся медленно. Телефон лежит рядом, экран гаснет и загорается снова. В голове начинают крутиться лишние мысли: а если не примет, не захочет выслушать.

Рука тянется к ключу. Почти решаю уехать.

Фары другой машины скользят по воротам, и в этот момент створки медленно раздвигаются.

— Проезжайте.

Во дворе все выверено до мелочей: идеальная дорожка, аккуратные кусты, несколько стройных зданий. Внутри еще строже. Шаги глохнут в мягком ковре, воздух пахнет чем-то дорогим и свежим.

Охранник показывает, где кабинет. Дверь открыта.

Константин стоит у окна и разворачивается лицом, когда я захожу. Ни удивления, ни раздражения — только внимательный, отстраненный взгляд.

— Зачем ты приехала?

Без имени. Без лишних слов.

Приходится напомнить себе, зачем я здесь.

— У отца проблемы.

Он не отвечает, словно его это не касается.

— Нам нужна помощь, — продолжаю, стараясь говорить ровно. — Временно. Перекрыть долги, выиграть время. Мы все вернем.

Пауза тянется дольше, чем должна.

— Боюсь, все намного хуже.

Взгляд чуть смещается, будто он оценивает не вопрос, а меня.

— Твой отец уже все потерял.

Слова падают тяжело, придавливая меня к полу.

— Это еще можно исправить?

— Нет.

Коротко. Окончательно.

— Вы всегда помогали нам, — выходит резче, чем планировалось. — Почему сейчас…

Он перебивает, не позволяя договорить.

— Твой отец сделал ставку не на того человека.

Внутри холодеет.

— Вы о Рябове?

— Попытка обратиться к нему — глупость.

Фраза звучит так, как говорят о чем-то очевидном.

— Вы же были с нами, — слова цепляются друг за друга. — Всегда.

Взгляд на секунду задерживается, но в нем нет ни тени прежнего участия.

— Это было давно.

Тишина между нами становится плотнее.

— Вы можете помочь, — продолжаю, уже почти упрямо. — Просто скажите, что нужно. Любые условия.

— Нет.

Ни объяснений, ни смягчения.

— Почему?

Он чуть качает головой, будто отсекает сам вопрос.

— Ты многого не знаешь.

Понимание приходит не сразу. Сначала — только ощущение, что разговор закончился, хотя еще не все слова произнесены. Это отказ, и дальше говорить не о чем.

Горло сжимает спазм.

— Ясно.

Разворачиваюсь к двери, не дожидаясь, пока он добавит что-то еще. Шаги снова глохнут в ковре, коридор кажется длиннее, чем был.

На улице холодно. Воздух режет горло, и это помогает удержаться от слез.

Сажусь в машину. Руль под пальцами кажется жестким. Несколько секунд просто сижу, не включая фары, смотрю в темноту.

Когда-то он был «дядя Костя». Теперь — Аркадьев.

И помощи здесь я не получу.

Ключ поворачивается, двигатель отзывается тихо.

Значит, искать другой выход.

Глава 5

За стеклами тянется ночная дорога. Город затих, и редкие машины неторопливо скользят мимо. Свет фонарей ложится на капот ровными полосами, мысли упрямо возвращаются к Илье. Поворот плеч, короткий шаг навстречу другой женщине.

Скорость приходится сбросить. Руки сжимают руль сильнее, чем нужно, пальцы побелели. Внутри поднимается злая волна, но до конца не доходит — глохнет где-то на полпути.

Сегодня уже ничего не решить.

Мысль простая и от этого почти успокаивающая. Все, что можно было сделать, сделано. Осталось только одно место, где еще могут быть ответы.

Дом появляется из темноты тихо, как и всегда. Окна темные, двор пустой. Дверь открывается без скрипа, внутри прохладно, воздух неподвижный. Ни звука. Кажется, все давно разошлись по комнатам, и ночь окончательно вступила в свои права.

Свет не включаю. Пальцы сами находят знакомую дорогу в полутьме. Кабинет отца — единственное место, где можно найти реальные цифры, хоть какое-то объяснение происходящему. Если понять масштаб, возможно, получится найти выход.

Дверь приоткрыта.

Слабый свет льется изнутри, резкий контраст с темным коридором. Шаг замедляется. На секунду возникает странное ощущение, что туда лучше не заходить. Оно тут же отбрасывается.

Внутри отец.

Сидит за столом не в привычной позе, а чуть наклонившись вперед, как человек, который давно перестал искать удобство. На столе — стакан, документы, разложенные неровно. Лампа освещает только часть комнаты, остальное тонет в тени.

Голова поднимается на звук моих шагов.

— Где ты была?

Вопрос звучит резко, почти грубо.

Слова будто цепляются за горло, не складываясь в нормальную фразу.

— Пыталась разобраться.

Взгляд становится жестче.

— К сопляку своему ездила? Он тебе не поможет.

В голосе сквозит насмешка, но под ней читается другое: безысходность и раздражение, накопившееся слишком давно.

Он не произносит имя Ильи, но все и так понятно. Внутри вспыхивает то же ощущение, что и в машине — короткое, острое, мучительно неприятное. Отец прав, но признать это я не готова.

— Нет.

Пауза затягивается. Он смотрит внимательнее, как будто пытается понять, что именно изменилось.

— Тогда куда?

Слова даются легче, чем ожидалось.

— Я была у Аркадьева.

Реакция мгновенная.

Стакан в руке чуть дергается, жидкость выплескивается через край. Отец резко выпрямляется.

— К нему?

В голосе звучит не просто удивление — злость. Острая, почти неконтролируемая.

— Зачем ты туда полезла?

Тон меняется, переходя в крик.

— Я хотела понять, что происходит. Он…

— Ты хоть понимаешь, куда суешь свой нос? — перебивает он, не давая закончить.

Закрывает лицо рукой, словно ему тяжело на меня смотреть.

— У него половина наших долгов.

Фраза падает глухо, как приговор.

— И он готов нас утопить.

На секунду все внутри замирает.

— Но вы же… — слова вырываются сами, не до конца оформленные. — Вы были с ним…

— Это было давно, — резко обрывает он.

Взгляд уходит в сторону, будто сам разговор становится лишним.

Несколько секунд подвисают в тишине. Мысли не успевают собраться. Все, что казалось хоть немного устойчивым, начинает рассыпаться.

— Почему? — вопрос вырывается сам собой.

— Ты ничего не понимаешь, — бросает отец раздраженно. — И не нужно тебе в это лезть.

Напряжение между нами растет, словно само мое присутствие его напрягает.

— Я пытаюсь помочь, — выходит резче, чем планировалось.

— Помочь? — короткий смешок звучит глухо. — Ты только хуже делаешь.

Рука сжимает край стола. В голове не укладывается.

— Тогда объясни.

Отец смотрит прямо, но взгляд пустой.

— Не сейчас.

Пауза.

— Иди спать.

Фраза звучит устало, как окончание разговора.

Шаг назад дается с трудом.

— И готовься к свадьбе.

Слова останавливают.

— Я не выйду за Рябова.

— Выйдешь.

Резко. Без колебаний.

— Нет.

Голос звучит ровно, но внутри уже нарастает гнев.

Отец с трудом поднимается, делает шаг ко мне. Взгляд становится жестким, почти чужим.

— Выйдешь. Иначе я труп.

Глава 6

Утро не приносит облегчения. Сон рвется на короткие, тяжелые отрезки, и в каждом снова возвращается одно и то же: свадьба, слова отца, сказанные почти равнодушно, и от этого еще более страшные. Голова тяжелая, в висках тянет, будто ночь прошла мимо, не дав ни минуты отдыха.

В доме стоит непривычная тишина. В кабинете отца все еще горит свет.

Он сидит за тем же столом, что и ночью, только теперь выглядит иначе. Не злой, не взвинченный — выжатый. Лицо потемнело, плечи опустились, в глазах пустота, которой раньше не было. Несколько секунд проходит в молчании, прежде чем он поднимает взгляд.

— Что-то ты рано.

Слова о вчерашнем не звучат. Никаких требований или давления. Лишь короткое движение руки в сторону стакана и усталый вдох.

— Делай как хочешь.

Голос тихий, почти безразличный. И это пугает сильнее вчерашнего крика. Там хотя бы была борьба, здесь осталась только глухая пустота. Словно решение уже принято и от него ничего не зависит.

На секунду возникает желание заставить его сказать больше, объяснить, что происходит на самом деле. Но он отворачивается раньше, чем появляется возможность задать вопрос. Разговор заканчивается, так и не начавшись.

Оставаться дольше нет сил.

Мысли движутся по кругу. Попытка обратиться к Илье — провал. Встреча с Аркадьевым — тупик. Отец, который должен был держать ситуацию, выглядит так, словно уже проиграл.

Если кто-то и знает, что происходит, — это Рябов.

Само имя вызывает внутреннее сопротивление. Ехать к нему — значит признать, что других вариантов нет. Но только это мне и остается.

Собираясь, держу себя в руках. Каждое движение отточено, почти механическое. Внутри все протестует против этой поездки, но логика оказывается сильнее.

Дом остается позади слишком быстро.

Его офис встречает холодом и порядком. Пространство выверено до мелочей: стекло, металл, ровные линии. Люди двигаются уверенно, никто не спешит, но каждый занят делом. Нет ощущения того хаоса, что стремительно нарастает дома.

Это помогает и мешает одновременно.

На ресепшене сидит девушка, на секунду она отрывается от экрана и смотрит на меня внимательно, без лишнего интереса. Приходится назвать свое имя: ровно, без попытки объяснить, зачем я здесь. Она кивает, возвращается к монитору и что-то быстро набирает. Пауза затягивается чуть дольше, чем должна, и в какой-то момент я почти уверена, что сейчас откажут. Это было бы проще. Развернуться, уйти, оставить все как есть.

Но вместо этого раздается:

— Я вас провожу.

На мгновение кажется, что я ослышалась. Девушка поднимается из-за стойки и делает приглашающий жест, предлагая следовать за ней.

Идем молча. Коридор уводит все дальше от основной части офиса. Шаги глохнут в мягком покрытии, стекло и свет остаются позади, стены становятся глухими, без окон. Пространство меняется — исчезает деловая открытость, вместо нее появляется ощущение зоны, куда посторонние не заходят.

Дверь впереди отличается от остальных. Без табличек и обозначений.

Девушка останавливается, кивает и уходит, не объясняя ничего.

Ручка холодная.

На секунду мелькает мысль, что произошла ошибка. Это не то место, куда следовало идти, но отступать поздно.

Я открываю дверь.

Внутри — не кабинет.

Помещение шире, с зеркалами и металлическими конструкциями. Воздух плотнее, теплее. И в центре этого пространства он.

Картина не совпадает с тем, к чему я готовилась всю дорогу. Ни строгого костюма, ни деловой обстановки. Линии тела, напряжение мышц, легкий блеск кожи после нагрузки. Все это выбивает из равновесия сильнее, чем любые слова.

Дыхание на секунду сбивается.

Взгляд автоматически уходит в сторону, словно это может что-то изменить. Раздражение вспыхивает мгновенно — не на него, на себя. За реакцию, за этот короткий сбой, который не должен был произойти.

Шаг вперед дается с трудом.

Возвращение к контролю занимает секунду, но этого хватает. Плечи выпрямляются, дыхание становится ровнее, взгляд поднимается.

Он наблюдает за мной.

Без удивления. Так, словно все происходящее легко укладывается в его план.

Ни малейшей попытки хоть как-то сгладить момент, подстроиться под формат встречи. Полное ощущение, что правила здесь задает он и уступать не намерен.

Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга, а потом он произносит:

— Значит, все-таки пришла.

Глава 7

— Значит, все-таки пришла.

Несколько секунд уходит на то, чтобы не сорваться, убежав обратно в коридор, и не смотреть ниже его лица. Туда, где на мускулистой груди поблескивают капельки пота.

Арсений стоит у тренажера, в одних черных шортах. На скамейке рядом лежит полотенце, у стены — бутылка воды. В кабинете встречу с ним выдержать было бы проще. Там все понятно: стол, кресла, безопасное расстояние и внушительный слой одежды.

— Я пришла поговорить, — произношу сдержанно.

Он берет полотенце, проводит им по шее и груди. Не торопится, словно наслаждаясь моим смущением. Похоже, его вообще не напрягает эта ситуация.

— Говори.

— Может, сначала оденешься?

Смотрит на меня лениво, без намека на неловкость.

— А в чем проблема?

— В том, что я не собираюсь обсуждать долги отца с полуголым мужчиной.

— Девушкам мое тело обычно нравится.

Губы сжимаются сами. Тело у него натренированное, с этим не поспоришь. Но мне на него наплевать, я не из тех дурочек, что пускают на него слюни.

— Поздравляю.

Он делает шаг к бутылке. Открывает, пьет, не отводя глаз.

— Тебе, как моей будущей жене, придется видеть меня раздетым довольно часто. Привыкай.

Жар поднимается к лицу так быстро, что обгоняет злость.

— Я тебе не жена.

— Пока нет.

Он ставит бутылку на пол.

— Ты приехала сюда, чтобы повторить это еще раз?

— Чтобы понять, что происходит с моим отцом.

С ответом он не спешит. Подходит ближе, останавливается напротив, и от этого расстояние между нами начинает ощущаться острее.

— Твой отец умудрился потерять все.

— Все — это что?

— Деньги. Бизнес. Возможность договариваться.

— И поэтому ему понадобилась эта свадьба?

Он усмехается. Коротко, почти без звука.

— Ты единственный актив, который он еще может продать.

Слова попадают под ребра.

Не сразу получается вдохнуть.

— Повтори.

— Зачем?

— Повтори.

— Ты все услышала.

Пальцы сами сжимаются в кулаки. Ногти больно впиваются в ладонь. На секунду перед глазами всплывает отец ночью: серое лицо, стакан, хриплое «иначе я труп».

— Есть другие варианты, — говорю. — Должны быть.

— Назови хоть один.

— Я могу пойти работать.

На этот раз он уже не скрывает смех.

— Работать?

— Да.

— Где?

— Где скажешь.

— У меня?

— Если надо.

Он опирается ладонью о тренажер, чуть наклоняет голову. Взгляд проходит по лицу, шее, платью, задерживается там, где задерживаться не должен.

— И что ты умеешь?

Становится гадко. От его тона, собственного положения и от того, что я вообще произнесла это вслух.

— Я умею учиться.

— Это не профессия.

— Я не прошу милости.

— А что просишь?

Ответ застревает.

Деньги? Отсрочку? Способ не стать чьей-то расплатой?

— Возможность закрыть долг иначе.

— Иначе у тебя не получится.

— Ты даже не дал попробовать.

— Потому что результат я знаю заранее.

— Ты не знаешь меня.

— Знаю достаточно.

— Нет.

— Алина, — впервые за разговор в его голосе появляется усталость. — Перестань изображать, что пришла на переговоры. Торговаться тебе нечем.

— Я могу отработать.

Он молчит пару секунд. Потом взгляд снова скользит ниже. Уже намеренно. Без попытки это скрыть.

— Думаю, применение тебе я найду.

Внутри все вспыхивает.

Шаг вперед выходит сам. Рука поднимается раньше, чем успеваю подумать, стоит ли. Его щека близко. Ударить не получается.

Пальцы Арсения перехватывают запястье в воздухе. Второй рукой он сжимает меня за талию и притягивает к себе так, что между нами почти не остается места.

Кожа у него горячая. Пахнет водой, потом и чем-то терпким, мужским. Ладонь на талии лежит уверенно. Так, словно он уже имеет на это право.

— Не советую.

Сердце бьется часто. Дыхание сбивается. Колени подводят, но хуже всего это дурацкое напряжение в животе.

— Отпусти.

— Сначала ты перестанешь махать руками.

— Отпусти, сказала.

В его взгляде появляется что-то опасное, и от этого становится не по себе.

— Ты больной. Убери руки.

Пауза тянется на секунду дольше, чем нужно. Потом пальцы разжимаются.

Отступаю сразу, едва не задевая плечом тренажер. Запястье горит там, где он держал. Талия тоже. Хочется стереть это ощущение, но любое движение будет выглядеть слабостью.

— Ненавижу тебя.

— Это не помешает свадьбе.

— Посмотрим.

— Уже посмотрели.

Дверь находится за спиной. До нее несколько шагов. Получается дойти не оборачиваясь, хотя внутри еще трясет.

У самой двери слышится короткий смешок.

— До скорой встречи, Алина.

Глава 8

До улицы дотягиваю почти спокойно. Только за стеклянными дверями перестаю делать вид, что все под контролем.

Злюсь так, что хочется ударить по машине. Вместо этого открываю дверцу, сажусь за руль и несколько секунд сжимаю его обеими руками так, что начинают болеть пальцы.

Единственный актив, который отец еще может продать.

Слова Рябова все еще сидят в голове, но сильнее злит другое — собственная реакция рядом с ним. Запястье до сих пор помнит его пальцы, талия — тяжелую ладонь. Стоит вспомнить, насколько близко он был, и к лицу снова приливает жар.

— Да пошел ты, — шепчу в пустой салон.

Двигатель заводится со второго раза. Пальцы соскальзывают с кнопки, приходится нажать снова. Машина дергается с места, и только на первом светофоре удается выровнять пульс.

К тому моменту, когда машина останавливается у ворот, злость немного остывает, застряв под ребрами острой иглой, и не дает расправить плечи.

В доме тихо. На кухне возле раковины стоит чашка с засохшим кофе, рядом валяется блистер от таблеток.

Дверь в кабинет открыта.

Отец сидит за столом в той же рубашке, что и ночью. Помятый, с расстегнутым воротом и закатанными кое-как рукавами.

Он поднимает голову еще до того, как я успеваю войти.

— Значит, все-таки поехала к нему.

Устало усмехается, глядя на меня припухшими глазами.

— Поехала.

Голос выходит ровнее, чем я ожидала.

— И что?

— Много нового узнала.

— Не сомневаюсь.

Вхожу, аккуратно закрывая за собой дверь. Сейчас хочется именно так — без шума. Чтобы каждое слово было слышно.

— Он сказал, что я твой единственный актив.

Отец морщится и отворачивается к окну.

— Рябов умеет выбирать выражения.

— А смысл он выбрал правильно?

Короткое молчание. Но его хватает.

— Понятно.

— Алина…

— Нет, подожди. — Голос все-таки срывается. — Я хочу услышать это от тебя. Не от него. Ты правда так на это смотришь? Долги, бизнес, дом, дочь. Все в одну кучу?

— Не начинай.

— Поздно.

Он проводит ладонью по лицу. Пальцы дрожат. Раньше я бы заметила это и испугалась за него. Сейчас замечаю — и все равно не могу остановиться.

— Ты меня продаешь.

— Не говори глупостей.

— А как это называется?

— Это называется попытка выжить.

— Твоя?

Взгляд уходит к окну.

— Наша.

Смех получается короткий и некрасивый.

— Наша? Ты ничего мне не объяснил. Просто решил все за меня и теперь требуешь благоразумия?

— Да.

Ответ бьет неожиданно.

— Да? — переспрашиваю тише.

— Сейчас именно это от тебя и требуется. Проявить благоразумие. Выйти за Рябова и не делать глупостей.

Внутри что-то неприятно проваливается.

— Ты слышишь себя?

— Лучше, чем ты думаешь.

— Тогда объясни.

Пальцы проходятся по лицу.

— Тебе лучше не знать.

— Как удобно.

— Это не удобство.

— Конечно. Это забота.

— Не ерничай.

— А что мне делать? — шаг вперед получается сам. — Ты отдаешь меня человеку, которого я ненавижу. Который говорит со мной так, будто я вещь. Который…

Слова застревают.

На секунду снова вспоминается его ладонь на талии. Горячая кожа. Собственная реакция. Стыд накрывает так быстро, что приходится отвернуться.

Отец замечает.

— Который что? — спрашивает глухо.

— Ничего.

— Договаривай.

— Не буду.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга. И впервые за все это время мне кажется, что ему тоже неловко. Именно неловко, потому что он понял, о чем я не могу сказать.

— Ты вообще понимаешь, что после свадьбы мне придется с ним жить?

Отец поднимает взгляд.

— И что в этом такого?

На секунду даже слова теряются.

— Ты серьезно сейчас?

— Рябов молодой, здоровый мужик, а не чудовище какое-то.

От этих слов становится по-настоящему плохо.

— Тебе наплевать, — говорю. — На меня и на то, что я чувствую.

Последние слова почти ломаются, но я удерживаю голос.

— Если бы мне было наплевать, — отец прикрывает глаза, — я бы выбрал другой вариант.

— Какой еще другой?

— Тот, после которого ты бы уже не спорила.

По спине проходит холод.

— Что это значит?

— Ничего.

— Нет. Теперь говори.

— Не надо.

— Папа.

Слово вырывается само. Почти детское. Ненужное.

Он устало смотрит на меня, и на секунду передо мной не человек, который меня продал, а отец. Тот самый, который когда-то накрывал нас с Дарьей пледом, если мы засыпали в гостиной.

Потом это исчезает.

— Рябов — лучшее, что я смог для тебя сделать в нашей ситуации.

Несколько секунд не получается даже вдохнуть.

— Лучшее?

— Да.

— Ты совсем…

— Думай обо мне что хочешь.

— Я и думаю.

Он кивает, как будто принимает удар. Потом открывает лежащую на столе папку и, не глядя на меня, произносит:

— Адвокат уже подготовил контракт. Завтра встречаешься с Рябовым у него в офисе.

На секунду кажется, что я ослышалась.

— Что?

— Предварительно все согласовано. Осталось подписать.

Слова звучат так буднично, словно речь идет о продаже квартиры, а не о моей жизни.

— Ты уже все решил.

— Да.

Пальцы сжимаются так сильно, что начинает ломить ладонь.

— Ненавижу вас обоих.

Ждать ответа не получается.

Разворачиваюсь и вылетаю из кабинета, с силой хлопнув дверью.

Глава 9

Утром лицо в зеркале выглядит так, что хочется сразу отвернуться. Кожа бледная, под глазами залегли глубокие тени. Пару минут стою перед раковиной, держа ладони под холодной водой.

Не собираюсь так просто сдаваться ни отцу, ни ему.

Достаю из шкафа светлую блузку с объемным бантом, прикладываю к себе и в раздражении кидаю обратно. Слишком женственная. Если я часть сделки, то и выглядеть должна соответственно. Серо и безлико.

Долго ковыряюсь в шкафу, пока не нахожу то, что нужно: строгий костюм, с мужского кроя белой рубашкой. Застегиваю на все пуговицы. Волосы убираю в низкий хвост. Помада остается в косметичке. Только тон, тушь и немного пудры, чтобы не выглядеть бледной.

Перед выходом еще раз заглядываю в зеркало и замираю.

В голове снова всплывает Рябов. Мускулистая грудь с блестящими капельками пота. Горячая кожа рядом. И этот его самодовольный взгляд, словно все вокруг принадлежит ему.

Хватит, — говорю себе тихо.

Пиджак запахивается плотнее. Вот так. Закрыто. Сдержанно. Никаких поводов для заинтересованных взглядов.

Отец уже ждет у двери. В отглаженном костюме и чисто выбрит. Почти прежний Александр Воронцов, если не смотреть на лицо. Кожа серая, губы сухие, а в глазах появился нездоровый блеск.

— Готова? — спрашивает он.

— Нет.

Несколько секунд молчим, глядя друг на друга.

— Ехать все равно придется.

— Знаю.

Поездка проходит в тишине. Отец смотрит в окно. Пальцы нервно сдавливают папку. Пару раз пробует заговорить, но сбивается и замолкает. Хочет что-то сказать, может извиниться, но мне все равно. Даже не пытаюсь ему помочь.

Навигатор показывает двадцать две минуты. Но, кажется, дорога длится целую вечность. А когда машина останавливается, я жалею, что нельзя ехать бесконечно.

В офисе Рябова ничего не изменилось. Все такое же гладкое и дорогое. Стеклянные перегородки, тихие голоса, женщина на ресепшене с аккуратной укладкой. Нас уже ждут. Это становится понятно по тому, как она вскакивает с места.

— Проходите, пожалуйста.

Нас провожают в переговорную. Большой стол, вода в стеклянных бутылках, стаканы, папки с закладками. На одной лежит стикер с моей фамилией.

Алина Воронцова.

Смотрю на него дольше, чем нужно.

Отец садится первым. Собственную папку кладет перед собой, но не открывает. Я выбираю место напротив двери. Хочу видеть его глаза, когда он войдет.

Минуты тянутся одна за другой.

Рябова нет.

Адвоката тоже.

Отец смотрит на часы, потом на телефон. Экран загорается и гаснет. Один раз он набирает сообщение, стирает, откладывает телефон на стол. Потом снова берет.

— Это неуважение, — произношу глухо.

— У них дела.

— У нас тоже дела.

Он ничего не отвечает.

Через двадцать минут становится понятно: Рябов намеренно играет на наших нервах. Отец это тоже понимает. Пальцы постукивают по краю папки, потом резко замирают, когда он замечает мой взгляд.

— Не надо, — произносит тихо.

— Что не надо?

— Делать хуже.

Дверь открывается только через сорок минут.

Сначала заходит мужчина лет пятидесяти. Сухой, собранный, в очках. За ним Рябов.

Костюм сидит на нем безупречно. Темный, дорогой, голубая рубашка, часы на запястье. Ни следа смущения после вчерашнего зала.

— Простите за задержку, — произносит он, устраиваясь во главе стола. — Дела.

Звучит так, что извинениями там и не пахнет.

Адвокат раскладывает документы. Быстро, привычно.

— Предлагаю сразу перейти к делу и пройтись по основным положениям, — начинает он. — Брачный контракт, соглашение о распределении имущественных обязательств и отдельное приложение по условиям публичного взаимодействия сторон.

— Публичного что? — не выдерживаю.

Адвокат поправляет очки.

— Совместные выходы, статус, отсутствие публичных заявлений, дискредитирующих вторую сторону.

Рябов смотрит на меня.

— Это про твои привычки.

— Очень смешно.

— Я не шутил.

Адвокат делает вид, что ничего не слышит, и продолжает говорить про имущество, сроки, ответственность сторон. Слова скользят мимо, пока не доходит главное: все расписано так, словно я уже согласилась.

— Стоп, — перебиваю.

Отец напрягается.

Адвокат поднимает глаза.

— Да?

— В контракте не хватает моих условий.

Рябов откидывается на спинку кресла.

— Интересно.

— Отдельные спальни.

Отец закрывает глаза.

— Алина…

— Отдельные спальни, — повторяю, глядя на адвоката. — Брак формальный. Никаких супружеских обязанностей. Никакого контроля моей личной жизни. И срок. Через год я имею право подать на развод.

Адвокат молчит. Смотрит на Рябова.

— Записывайте, — говорит тот. — Все, кроме личной жизни. Не хочешь делить постель со мной, не вопрос, желающие найдутся, но наставлять себе рога я не позволю.

— Что?

— Я сказал, записывайте.

— Получается, тебе можно, а мне нет.

— Ты всегда можешь обратиться ко мне за помощью.

Адвокат смущенно отводит глаза, стараясь удерживать серьезный тон.

— Отдельные спальни возможно закрепить как условие проживания. Остальное требует формулировки.

— Формулируйте, — бросаю.

Рябов смотрит на меня с легким интересом.

— Год мало.

— Для меня и дня много.

— Тогда три.

— Год.

— Два.

— Год, — говорю жестче. — Иначе смысла нет.

Он улыбается краем рта.

— Ты сейчас правда торгуешься со мной о сроке нашей семейной жизни?

— Я торгуюсь о сроке моего заключения.

Отец шевелится на стуле, но молчит.

— Два, — отрезает Рябов. — При выполнении условий договора.

— Каких еще условий?

— О которых ты так внимательно слушала последние десять минут.

Щеки начинают гореть.

— Никакой близости, — произношу тише, но отчетливо. — Это тоже внести.

Адвокат снова замирает. В комнате становится неприятно тихо.

Рябов не смеется. Даже не улыбается. Только смотрит, и от этого хочется влепить ему пощечину.

— Внесем, — соглашается он.

Пальцы сами сжимаются на краю папки.

Почему так легко?

— И никаких ночевок в одной комнате.

— Если тебе от этого легче.

— Мне легче, когда ты молчишь.

— Тогда семейная жизнь тебя разочарует.

Адвокат кашляет в кулак.

Отец сидит бледный. Ему уже все равно на спальни, сроки и формулировки. Ему нужно только одно: чтобы я не встала и не ушла.

Документ правят при нас. Не полностью, конечно. Юрист вносит пометки, что-то уточняет, печатает. Рябов несколько раз кивает. И это начинает беспокоить.

Он соглашается подозрительно легко, но я все равно цепляюсь за эти пункты, как за спасательный круг. Отдельные спальни. Формальный брак. Этого должно хватить, чтобы как-то выжить.

Бумаги снова двигают ко мне. Адвокат разворачивает лист, показывает место для подписи.

— Здесь.

Смотрю на строку с фамилией.

Воронцова Алина Александровна.

Рядом лежит ручка. Черная, тяжелая, с темным ободком.

Глава 10

Ручка оказывается тяжелее, чем выглядела. Металл холодит пальцы, ободок неприятно давит на кожу.

На листе уже все напечатано. Фамилия. Паспортные данные. Строка для подписи.

Убеждаю себя, что всего два года, и я снова буду свободна.

Пальцы все равно не слушаются. Приходится перехватить ручку удобнее, иначе подпись получится кривой. Адвокат молчит. Рябов наблюдает спокойно, и от этого хочется кинуть бумаги ему в лицо.

Чернила ложатся ровной темной линией, и внутри что-то неприятно обрывается.

Адвокат бережно забирает листы. Переворачивает страницу, проверяет, кладет перед Рябовым.

— Здесь и здесь.

Тот подписывает без паузы. Быстро, уверенно, почти не глядя в текст. Для него это только еще одна бумага.

Отец выдыхает. Не громко, но я замечаю.

Плечи у него опускаются, пальцы прекращают сжимать край папки. В лице появляется что-то живое, почти болезненное. Как у человека, который несколько суток стоял у края и наконец отступил.

От этой мысли становится мерзко.

— Отлично, — адвокат собирает документы. — Тогда по основным условиям у нас согласование есть. Окончательный вариант подготовим сегодня к вечеру.

— Дата? — спрашивает отец.

Голос у него хриплый.

Адвокат заглядывает в планшет.

— Церемония предварительно назначена на следующую пятницу. Время согласуем с площадкой.

— Что? — поворачиваюсь к отцу. — В следующую пятницу?

Рябов поправляет запонку.

— А ты думала, у нас год на подготовку?

— Я думала, меня хотя бы поставят в известность.

— Уже поставили.

— Какая забота.

Адвокат чуть кашляет и опускает глаза в документы.

— Состав гостей небольшой, — продолжает он осторожно. — Семья, несколько деловых партнеров, пресса не предусмотрена. Закрытая регистрация, потом торжественный ужин.

— Может, вы и платье уже подобрали? — спрашиваю.

Отец сжимает губы.

Рябов смотрит прямо мне в лицо.

— Не успели. Но можем.

— Не смешно.

— Я и не шутил.

После его тона внутри все начинает опасно закипать.

— Ты подписала контракт, — продолжает Рябов. — Теперь начни относиться к этому серьезно.

— А до этого, видимо, была репетиция?

— До этого ты пыталась делать вид, что происходящее тебя не касается.

— Меня продали. Это касается меня больше всех.

— Тебя включили в сделку, которая спасает твоего отца.

— Как благородно звучит.

Его лицо не меняется, только взгляд становится жестче.

— И еще. С сегодняшнего дня заканчивай вести себя так, словно хочешь меня придушить.

— А если хочу?

— Оставишь это для дома.

Щеки вспыхивают от «дома». И того, как спокойно он это произнес.

— Для всех остальных ты счастливая невеста.

Сначала даже не находится ответ.

— Что?

— Улыбаешься. Не споришь при людях. Не устраиваешь сцен. Не обсуждаешь условия брака ни с подругами, ни с бывшим женихом, ни с кем-либо еще.

— Бывшим?

— Ты правда собиралась оставить Крылова в этой роли?

Отец устало прикрывает глаза.

— Не впутывай Илью.

— Поздно, — говорит Рябов. — Его уже впутали.

— Это фиктивный брак.

— Для нас. Для остальных — нет.

— Ты серьезно надеешься, что я буду изображать влюбленную?

— Не влюбленную. Достаточно довольную.

— Довольную чем?

— Тем, что выходишь замуж за человека, который не позволит твоей семье окончательно утонуть.

— Прекрасная причина улыбаться.

— Вот и начинай тренироваться.

Адвокат перекладывает бумаги в папку. Делает это очень медленно, лишь бы не смотреть на нас.

— Я ничего не обещала, кроме подписи.

— Ошибаешься. Подпись и есть обещание.

Отец встает.

— Я поговорю с адвокатом по приложению.

— Конечно, — отвечает Рябов.

Адвокат тоже поднимается. Папки забирает с собой, оставляя на столе только воду.

Дверь за ними закрывается, и в переговорной становится тише.

Не нравится мне эта тишина. Вчера в зале хотя бы было понятно, чего он добивается. Сейчас Рябов сидит в костюме, с застегнутыми манжетами, и выглядит опаснее, чем без рубашки.

— Что еще? — спрашиваю.

— Кольцо.

— Что кольцо?

— Размер скажешь сама или мне угадать?

— Можешь купить любое. Все равно этот брак ненастоящий.

— Кольцо будет настоящее, и ты станешь его носить.

— Как мило.

— И платье.

— С платьем я сама разберусь.

— Нет.

Одно короткое слово, и пальцы снова сжимаются.

— Это не входит в контракт.

— Это и моя свадьба тоже.

— Твоя сделка, хотел сказать?

— Называй как хочешь. Платье должно быть строгим и классическим.

Смотрю на него, не веря, что он говорит всерьез.

— Ты и это собираешься контролировать?

— Я оплачиваю платье, зал, ужин и все остальные штучки, которые тебе понадобятся для приличного вида.

— Штучки?

— Цветы, визажисты, туфли. Что там еще обычно нужно.

— Тебе список прислать?

— Пришлешь эскизы перед покупкой.

У меня вырывается злой смех.

— Ты невыносим.

— Привыкай.

— Я не буду показывать тебе платье.

— Будешь.

— Нет.

— Без дешевой мишуры, Алина. Никаких кружевных катастроф, блесток и попыток выглядеть несчастной невестой из провинциальной мелодрамы.

— Как заботливо. Еще скажи, какой длины должны быть рукава.

Он смотрит на мой пиджак и застегнутую на все пуговицы блузку, потом снова на лицо.

— С рукавами ты и сама справишься.

Становится жарко.

Вот опять. Одной фразой. Одним взглядом.

— Ненавижу, когда ты так смотришь.

— Я еще даже не начинал.

Глава 11

Дверь открывается, и в переговорную возвращаются отец с адвокатом. К моему облегчению разговор про платье обрывается. У меня внутри все кипит, а Рябов даже не меняется в лице. Только откидывается на спинку кресла с таким видом, будто разговор про свадьбу был обычной деловой мелочью.

Адвокат кладет на стол еще одну папку.

— По приложению к договору осталось обсудить график закрытия обязательств и передачу активов.

Отец садится обратно. Галстук у него сбился набок, но поправлять его он уже не пытается.

— Озвучивайте, — произносит Рябов.

В груди гудит от злости и его невозмутимого тона. Мысль, что придется сидеть еще час и обсуждать какие-то приложения к моему браку, становится невыносимой.

— Мне нужно выйти.

Отец поворачивает голову.

— Алина…

— Ненадолго.

Ждать разрешения не собираюсь. Хватаю со стула сумку и выхожу раньше, чем кто-то успевает возразить.

Коридор кажется длиннее, чем был. На ресепшене девушка поднимает взгляд, но ничего не спрашивает. Еще одного вежливого вопроса я бы не выдержала.

До машины дохожу быстро. За рулем получается вдохнуть только через пару минут. В груди все сжато, как после долгого бега, хотя по лестнице даже не спускалась — воспользовалась лифтом.

Ключ поворачивается в замке зажигания. Телефон остается в сумке. Пусть звонят, пишут, ищут. Сейчас не хочу слышать ни отца, ни адвоката.

И особенно его.

Через несколько поворотов понимаю, что еду к парку. Раньше я часто приезжала сюда после ссор с отцом или когда нужно было подумать. После похорон Дарьи тоже сидела здесь, пока не стемнело, хотя мама бы за такое устроила разнос.

Сегодня светит солнце. У пруда полно людей. Женщина в красной куртке кормит уток, мальчишка на самокате едва не врезается в лавку, двое студентов смеются над чем-то в телефоне. На соседней дорожке парень несет девушке кофе и целует ее в висок так нежно, что приходится отвернуться.

Раньше это место помогало.

Сегодня нет.

Сажусь на лавку у воды. Пиджак даже не расстегиваю, хотя на солнце в нем жарко. Листья шелестят от легкого ветра, вода блестит, где-то позади пищит тормоз велосипеда.

Пальцы нащупывают край папки с контрактом. Вытаскивать его не хочу, достаточно знать, что он есть.

Подписала.

Не в кошмаре, не под дулом пистолета. Села за стол, взяла ручку и поставила свою фамилию там, где показал адвокат. Связала себя с убийцей сестры на долгих два года. Сумасшествие, но другого выхода не было.

От этой мысли не становится легче.

Перед глазами всплывает лицо отца после подписи. Облегчение. Такое настоящее, что захотелось его пожалеть и ударить одновременно.

Потом — Рябов.

«Для всех остальных ты счастливая невеста».

Хочется рассмеяться, но горло перехватывает. Приходится наклониться, упереться локтями в колени и несколько раз глубоко вдохнуть. Не хватало еще разреветься посреди парка, рядом с детьми, утками и счастливыми парами.

Тушь, кажется, потекла. Только какая теперь разница.

Минуты бегут незаметно. Солнце сдвигается, тень от дерева по плитке подползает ко мне. От воды у берега тянет тиной. Кто-то рядом громко смеется, потом голоса удаляются.

Шаги за спиной замечаю с трудом.

Илья стоит в двух метрах от лавки. В темном джемпере и с телефоном в руке. Лицо усталое, напряженное. Волосы растрепались, как будто он ехал в машине с открытым верхом или все время теребил прическу рукой.

Несколько секунд он смотрит молча, словно видит меня впервые.

Внутри все собирается в тугой узел. Илья. Милана. Его дом и осторожное отстранение в машине.

— Это правда?

Вопрос звучит хрипло.

— Что именно?

— Не поступай со мной так, Алина.

Илья делает шаг ближе, но останавливается, словно боится, что я уйду.

— Скажи, что это неправда.

Глава 12

— Контракт уже подписан.

Илья не отвечает. Стоит напротив и смотрит так, что становится ясно: до него еще не дошло.

— Ты шутишь.

— Нет.

— Алина.

В его голосе появляется то самое раздражение, которое раньше заставляло меня оправдываться. Сейчас не хочется.

— Что?

— Ты вообще понимаешь, с кем связалась?

Смех выходит короткий и злой.

— Интересно.

— Что именно?

— Вчера тебя не особенно волновали мои проблемы. Слишком сильно был занят Миланой?

Илья на секунду замирает, и этого хватает, чтобы все понять.

— При чем тут это?

— А что, не права?

— Милана приехала по делу.

— Конечно.

— Она действительно приезжала с вопросами по выставке.

— В таком платье и со словами «я соскучилась»?

Илья шумно выдыхает и проводит рукой по волосам.

— Ты услышала одну фразу и напридумывала всякой ерунды.

— Не только фразу.

— Между мной и Миланой ничего нет.

— Удобно.

— Алина, у нас разговор вообще не об этом.

— Вот как? А о чем?

Он смотрит на пруд, потом снова на меня. Напряжение в лице становится ощутимым.

— О Рябове.

Фамилия звучит неприятно. Даже здесь, среди людей, солнца и воды.

— Ты пришел поговорить о нем?

— Я пытаюсь понять, как ты вообще могла в это вляпаться.

— У меня не было вариантов.

— Были.

— Назови хоть один.

Он молчит.

— Очень убедительно.

— Ты не знаешь, что это за человек.

— Все вокруг повторяют это разными словами, но никто ничего не говорит.

— Потому что с ним лучше не связываться.

— Поздно.

— Нет. Пока свадьбы не было — не поздно.

— Контракт подписан.

— Контракт можно разорвать.

— Ты правда так думаешь? — смотрю на него уже почти без злости. — Или просто говоришь, чтобы звучало красиво?

Он стискивает челюсть.

— Рябов не играет по-честному. Если решил добраться до человека, доберется.

— До кого? До меня?

— Речь уже не только о тебе.

Слова вырываются у него раньше, чем он успевает их удержать.

Смотрю внимательнее.

— Что это значит?

— Ничего.

— Нет. Теперь уже говори.

— Алина, не стоит.

— Ты сам пришел.

— Потому что ты лезешь туда, откуда не выбраться.

— С чего вдруг такая забота?

Он резко поворачивается ко мне.

— Потому что я знаю его.

— Откуда?

Илья снова замолкает. Слишком надолго.

Где-то рядом смеется ребенок. Утка хлопает крыльями у берега. Нормальные звуки обычного дня, а между нами все становится хуже с каждой секундой.

— Ты что-то знаешь про Дарью и Рябова? — спрашиваю тихо.

Илья моргает. Быстро. Почти незаметно.

— Я знаю, что Рябов опасен.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— Врешь.

— Думай что хочешь.

Он делает шаг ближе к лавке, но не садится рядом. Даже не прикасается. Словно между нами теперь тоже контракт, только без бумаги.

— Ты не должна была подписывать.

— А ты должен был жениться на мне, помнишь?

Удар попадает. Вижу по лицу.

— Я не мог…

— Что? — поднимаюсь на ноги. — Не мог что? Сказать правду? Предупредить? Прийти раньше? Или жениться на мне стало невыгодно, когда мой отец начал тонуть?

Илья бледнеет.

— Кто тебе это сказал?

— Никто. Просто наконец-то начала складывать пазл.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни.

— Рябов выбрал тебя не ради долгов.

Воздух между нами натягивается еще сильнее.

— Что?

— Думаешь, ему нужен был твой отец или его бизнес?

Внутри становится холодно, несмотря на солнце.

— Илья.

Он будто жалеет, что сказал. Отводит взгляд к дорожке.

— Забудь.

— Нет.

— Забудь, Алина. И держись подальше от него, пока можешь.

— Ты сейчас вообще себя слышишь? Я выхожу за него замуж.

— Вот именно.

Смотрит мне за плечо, и на секунду замолкает. Челюсть напрягается так сильно, что на щеке дергается мышца.

Медленно оборачиваюсь.

Рябов идет по дорожке от парковки. Телефон убирает в карман уже на ходу, взгляд сразу цепляется за Илью. Не удивлен. Как будто знал, кого здесь увидит.

На секунду хочется спросить, как он меня нашел.

Потом понимаю — уже не важно.

Рябов останавливается рядом. Даже не смотрит на меня. Все внимание — на Илью.

— Вижу, ты уже знаешь о свадьбе.

В голосе ни злости, ни раздражения.

Илья выпрямляется.

— А тебя это удивляет?

— Нет.

Повисает короткая пауза.

— Тогда договоримся сразу, — продолжает Рябов. — Рядом с моей невестой я тебя больше видеть не хочу.

Илья усмехается, но выходит плохо.

— Алина сама решит, с кем ей общаться.

Рябов наконец переводит взгляд на меня. Спокойный, уверенный, как человек, который уже знает ответ заранее.

— Конечно.

И после короткой паузы протягивает мне руку.

— Поехали.

Глава 13

Рябов держит руку протянутой.

Между нами всего пара шагов, но идти к нему при Илье кажется почти предательством. И дело даже не в Илье. Дело в том, что Рябов снова ставит меня перед выбором, где любой вариант унизителен.

— Алина.

В его голосе появляется жесткость.

Вот теперь слышу настоящего Рябова. Того, который привык, что ему не приходится просить дважды.

Поднимаюсь с лавки, поправляю ремешок сумки на плече. Его руку не беру, намеренно игнорирую. Вместо этого поворачиваюсь к Илье.

— Мы еще договорим.

Илья смотрит на меня так, словно хочет что-то сказать, но не решается при нем.

— Алина…

— Потом.

Рябов молчит. Даже не смотрит в мою сторону, но напряжение чувствуется кожей.

До парковки идем без слов. За спиной остается пруд, лавка, Илья. Оборачиваться не хочу. Все равно знаю: он смотрит.

Водитель открывает мне дверь. Рябов делает короткий жест, предлагая садиться.

— Нет.

Он поворачивает голову.

— Что?

— Я с тобой никуда не поеду. И не смей указывать мне на людях, с кем общаться.

Пауза выходит короткой.

Рябов перехватывает мой локоть и притягивает ближе. Не до боли, но так, что шагнуть назад уже не получается. От его пальцев через ткань пиджака идет жар, злой и неприятно живой.

— Думаешь, у меня нет других дел, кроме как искать тебя по городу?

Говорит тихо. Почти у самого лица.

— Я тебя не просила.

— И зря.

— Отпусти.

— Еще раз исчезнешь без предупреждения или устроишь подобное представление — о двух годах можешь забыть.

Сердце неприятно проваливается.

— Это угроза?

— Это правило.

Взгляд у него темный. Слишком близко — нет, не думать так. Просто близко. Достаточно, чтобы снова почувствовать его запах, чистый, дорогой, с горькой нотой парфюма. Злюсь уже не только на него.

— Ты не имеешь права.

— Подписывая контракт, стоило читать внимательнее.

Пальцы на локте разжимаются. Место, где он держал, продолжает гореть.

Сажусь в машину не потому, что согласна. Просто еще одна сцена сейчас все испортит. Отец этого уже не выдержит. И я тоже. Особенно если Рябов действительно способен отнять даже эти проклятые два года.

Дверь закрывается мягко. В салоне прохладно, но внутри все равно душно.

— Моя машина осталась у парка.

Рябов садится рядом.

— Ее перегонят.

Машина трогается. Водитель смотрит только на дорогу. Рябов молчит, и это почему-то хуже любой перепалки. Не касается, но все пространство в салоне занято им. Запах парфюма. Ткань костюма у края моего взгляда. Рука на подлокотнике, совсем рядом.

Поворачиваюсь к окну, но отражение в стекле мешает. Видно его профиль. Сдержанный. Закрытый. Невыносимо уверенный.

Молчание тянется до следующего перекрестка.

— Что произошло между тобой и Ильей?

Рябов не поворачивается.

— Лучше не лезь.

— Все сегодня дают мне этот совет.

— Значит, есть причина.

— Он тебя боится.

— Крылову есть чего опасаться.

— А тебе?

Теперь взгляд поворачивается ко мне.

— А я вообще редко путаю страх с глупостью.

— Прекрасно. Еще одна загадка.

— После свадьбы общение с Крыловым закончится.

Смеяться не получается.

— Ты сейчас серьезно?

— Да.

— А если я не соглашусь?

— Ты уже согласилась.

Слова бьют точно. Контракт, тяжелая ручка и лицо отца после подписания — все снова возвращается разом.

Хочется спорить, выцарапать право на собственную жизнь. Но после парковки силы уходят куда-то вниз, в тяжелую злость, которую пока выплеснуть нечем.

Отворачиваюсь к окну.

Машина останавливается не у моего дома. Перед нами витрина ювелирного салона. Стекло, мягкий свет, охранник у двери.

— Куда ты меня привез?

— Кольца.

— Сейчас?

— Да.

Внутри салона пахнет цветами и чем-то сладковатым. Девушка за стойкой оживляется, едва видит Рябова. Улыбка становится шире, голос мягче.

— Добрый день. Вам помочь?

Смотрит только на него. На меня — быстро, вскользь, как на приложение к его костюму.

— Обручальные, — произносит Рябов. — И помолвочное.

— Конечно. У нас есть несколько очень достойных вариантов.

Она достает поднос, наклоняется чуть ближе, чем нужно, показывает кольца на своей руке. Тонкие пальцы, идеальный маникюр, запах сладких духов. Говорит Рябову, улыбается ему, ждет от него реакции.

Странно, но это раздражает.

Мне вообще не должно быть дела.

— Это очень элегантная модель, — продавщица протягивает руку под свет. — Смотрите, как красиво раскрывается камень.

Рябов наконец переводит взгляд на меня.

— Понравиться должно ей.

Улыбка девушки на секунду теряет уверенность.

— Разумеется.

Теперь поднос разворачивают ко мне. Смотрю на кольца, не видя особой разницы.

— Мне подойдет любое.

— Нет.

Рябов даже не повышает голос, но продавщица тут же убирает первый поднос и достает другой. Уже из отдельной витрины.

— Вот эта коллекция более статусная.

На бархате лежит кольцо с крупным бриллиантом. Такое невозможно не увидеть на руке.

— Это лишнее.

— Маленькие кольца легко не заметить.

— А это проблема?

— Для моей невесты — да.

Опять это слово. Моя.

Продавщица берет кольцо, но Рябов жестом останавливает ее.

— Позвольте.

Она передает ему украшение.

Протягивать руку не хочется. Но устраивать сцену под взглядом чужих внимательных глаз еще унизительнее.

Рябов берет мои пальцы. Не крепко. Аккуратно. Кольцо холодит кожу, скользит по пальцу медленно, с неприятной торжественностью.

Камень ложится ровно.

Тяжелый.

Красивый.

— Хорошо, — произносит он.

— Дорого, — отвечаю.

— Да.

— Мне не нужно.

— Мне нужно.

Поднимаю глаза.

Говорит ровно, не пытаясь произвести впечатление ни на продавщицу, ни на меня. Как человек, который давно все решил.

— Тебе?

— У моей жены должно быть все лучшее.

«Жена» звучит уже не как часть сделки или строчка в контракте. И именно это цепляет больнее всего.

— Мы еще не женаты.

Большой палец Рябова на секунду задерживается у основания кольца, поправляет его на пальце.

— Скоро.

Выдергиваю руку из его ладони. Продавщица делает вид, что смотрит в планшет.

Обручальные кольца выбираем быстро. Вернее, выбирает он. На мое «любые» даже не реагирует. Берет гладкие, тяжелые, с тонкой линией камней внутри женского кольца.

— Их почти не видно, — замечаю раздраженно.

— Тебе будет видно.

От этой фразы становится не по себе.

Оплата занимает пару минут. Пакет с коробками отдают ему, не мне. Правильно. В этом фарсе мне принадлежит только палец.

На улице воздух кажется грубее после салонной прохлады. Машины шумят, кто-то рядом ругается по телефону, обычная жизнь спокойно идет мимо.

— Теперь я свободна?

Рябов открывает дверь машины.

— Нет.

Пальцы с новым кольцом непроизвольно сжимаются.

— Что еще?

— Поедем ко мне.

— Зачем?

Рябов смотрит поверх открытой дверцы. Взгляд спокойнее, чем должен быть после всего.

— Тебе пора привыкать ко мне и моему дому.

Глава 14

Усаживаюсь в машину молча. После кольца на руке и его фразы про дом спорить нет сил. Дверь захлопывается, водитель трогает с места, а Рябов убирает телефон в карман пальто и больше ничего не объясняет.

Кольцо мешает.

Не физически. Размер подобрали идеально, металл не жмет. Но стоит опустить взгляд на руку, и внутри опять поднимается злость. Камень ловит свет от уличных фонарей, вспыхивает на каждом повороте, как напоминание: теперь его видно всем.

— Сними, если так раздражает, — произносит Рябов, не глядя на меня.

Пальцы замирают у кольца.

— И получить новую лекцию о правилах?

— Получить ответ на вопрос, насколько тебе важны эти два года.

Руку опускаю на колени.

— Ненавижу, когда ты так говоришь.

— Зато слышишь.

На этом разговор заканчивается.

Город постепенно остается позади. Машина выезжает на широкую дорогу, потом сворачивает к закрытому поселку с высоким забором и постом охраны. Охранник выходит из будки, узнает Рябова и поднимает шлагбаум без лишних вопросов.

— Ты живешь здесь? — спрашиваю удивленно.

— Пока нет.

Короткий ответ не объясняет ничего.

За воротами открывается вид на респектабельные дома, просторные участки и ровные дорожки. Кое-где уже светятся окна, у других во дворах еще лежат строительные материалы. Машина останавливается возле современного дома из светлого камня и дерева. На первом этаже горит свет. У крыльца стоит рабочий фургон.

— Это что?

Рябов выходит первым. Водитель открывает мне дверь.

— Дом.

— Я вижу.

Ступаю на дорожку и смотрю на фасад. Не дворец. Без колонн и золотых ворот. Но в каждом метре чувствуются большие деньги: широкие окна, тяжелая дверь, ровная подсветка вдоль ступеней.

— Ты же сказал, что живешь в квартире.

— Сказал.

— Тогда зачем мы здесь?

— Потому что в квартире удобно, когда живешь один.

От этой фразы становится неуютно.

Внутри пахнет свежим деревом, краской и пылью после ремонта. В холле нет привычной обжитости: часть пола закрыта защитной пленкой, у стены стоят коробки, на столике лежат образцы камня и ткани. Из глубины дома доносится голос мужчины, потом звук закрывающейся двери.

Рябов проходит вперед, не снимая пальто.

— Здесь еще идут работы. До свадьбы не успеют, так что первое время поживем у меня в квартире.

— Как щедро.

— Зато у тебя будет время заняться домом.

Останавливаюсь.

— У меня?

— Интерьером.

Смотрю на него, ожидая намека на шутку.

— Ты серьезно?

— Да.

— Я должна обустраивать твой дом?

— Наш.

Говорит так, словно другого варианта вообще не существует. И от этого внутри снова начинает неприятно тянуть.

В гостиной много пустого пространства, панорамные окна выходят на темный сад. Днем здесь наверняка хватает света. Мысль приходит сама и раздражает почти мгновенно.

Диван накрыт чехлом, у стены стоят два кресла в упаковке, рядом прислонены большие листы с планами. Пустой дом раздражает. И одновременно хочется убрать чехлы с мебели и распахнуть окна.

Рябов берет со стола папку, пролистывает несколько страниц.

— Кухню можно переделать. Если что-то не понравится — закажешь под себя.

В голове против воли мелькает светлая кухня вместо этой. Мысль появляется так легко, что становится не по себе.

Смотрю на Рябова с недоверием.

— И ты вот так просто решил, что теперь я должна заниматься твоим домом?

— Не должна. Будешь.

Смешок выходит короткий.

— Прекрасно. Продали вместе с функцией декоратора.

Рябов закрывает папку.

— Сюда будут приезжать люди. Партнеры, родственники, гости. Для них ты хозяйка.

— И счастливая жена?

— Желательно.

— А если я не хочу играть эту роль?

— Поздно.

Дом гулко отзывается на шаги. Мы поднимаемся на второй этаж. Лестница еще без перил с одной стороны, и я невольно держусь ближе к стене. Рябов идет рядом, не помогает. И хорошо. Его помощь сейчас добила бы окончательно.

На втором этаже тише. Несколько дверей открыты. В одной комнате лежит рулон коврового покрытия, в другой стоят коробки с сантехникой. У окна валяется забытая рабочая перчатка.

— Кабинет будет там. Гостевые комнаты — по этой стороне.

Сообщает об этом так буднично, словно мы действительно обсуждаем дом для семьи.

— Основная спальня.

Большая комната, высокие окна, временная лампа на полу. У стены — образцы дерева, несколько коробок и сложенные каталоги.

Подхожу к окну. Из этой комнаты хорошо видно сад. Летом здесь, наверное, тихо по вечерам. На стекле отражается моя рука с кольцом. Камень выглядит чужим и при этом до раздражения уместным.

— У нас отдельные спальни, — напоминаю.

— Помню.

— Тогда зачем показывать мне эту?

— Потому что дом нужно планировать целиком.

Он подходит к столу у окна, где лежат образцы ткани. Рассматривает один, затем другой. Плечо почти касается моего. От него пахнет той смесью парфюма и терпкого мужского аромата, который, кажется, успел въесться в сегодняшний день.

Отступаю, но задеваю коробку у стены. Та скользит по полу, и я на секунду теряю равновесие.

Рябов успевает перехватить меня за талию.

Ладонь ложится поверх пиджака, удерживает ровно настолько, чтобы я не налетела на коробки. В животе неприятно сжимается, кожа под его ладонью реагирует на знакомое тепло.

— Осторожнее, — произносит он хрипло.

— Не трогай меня.

— Тогда смотри под ноги.

Хочется ответить что-нибудь ядовитое, но голос пропадает под напором его темных глаз.

Отталкиваю его от себя и вылетаю из спальни. Поворачиваю к следующей двери, лишь бы скрыть волнение.

Эта комната меньше. Пустая, светлая, с окном во двор. На полу пусто, стены без окончательной покраски.

Рябов догоняет, останавливается у входа.

— Эту пока не трогали.

— Почему?

— Не решил.

— Под кабинет не подходит? — спрашиваю с легкой издевкой.

— Можно оставить под детскую.

Внутри все обрывается.

Медленно поворачиваюсь к нему.

— Что?

— Комната удобная. Рядом со спальней, окна во двор.

— Ты сейчас серьезно?

— А что тебя удивляет?

— У нас фиктивный брак.

Рябов смотрит на меня несколько секунд.

— Я показываю варианты.

— Нет. Ты показываешь мне жизнь, в которую я играть не желаю.

— Это теперь и твой дом.

Глава 15

В машине тихо.

Рябов сидит рядом и смотрит в телефон. Иногда отвечает на сообщения короткими движениями пальцев, потом снова убирает на колено экраном вниз. Ему хватает пары секунд, чтобы вернуться к своим делам, а у меня перед глазами все стоит пустая комната рядом со спальней.

Кольцо на пальце кажется тяжелее, чем в салоне. Поворачиваю руку, камень ловит свет от фар встречной машины. В груди снова поднимается злость, но уже не такая чистая, как раньше. Теперь к ней липнет что-то другое. Личное и отвратительно неприятное.

Дом.

Светлая кухня, которую я успела представить против воли. Окно в спальне. Пустая комната. Его уверенное «наш».

Следующая мысль приходит так резко, что заставляет выпрямиться.

Этот дом был спроектирован не для меня.

Поворачиваюсь к Рябову.

— Ты для нее его покупал?

Он не поднимает глаз.

— Что?

— Этот дом для Дарьи?

Телефон гаснет в его руке.

Несколько секунд Рябов смотрит на экран, потом убирает его во внутренний карман пальто.

— Дарья здесь ни при чем.

И именно это цепляет. Не слова, а то, как жестко он их произносит.

— Даже имя ее слышать не можешь?

— Алина.

— Что?

— Не начинай.

— Почему? Тебе неприятно?

Его лицо в полумраке салона выглядит жестче обычного.

— Тебе сейчас хочется сделать себе больно. Не надо.

Слова попадают куда-то под ребра, и от этого становится хуже.

— Какая забота.

— Нет. Просто не люблю бессмысленных разговоров.

Отворачиваюсь к окну.

Машина останавливается у дома через двадцать минут. В окнах первого этажа горит свет. Отец не спит. Уже даже не удивляет.

Рябов выходит вместе со мной, но к двери не идет. Останавливается возле машины.

— Завтра в семь.

— Что завтра?

— Ужин.

— С кем?

— С людьми, перед которыми нам нужно выглядеть убедительно.

— Прекрасно.

— Водитель заедет за тобой в шесть.

— Я сама могу добраться.

— Водитель заедет за тобой в шесть.

Повторяет без раздражения, но с нажимом.

Перед тем как сесть, Рябов смотрит на мою руку. На кольцо.

— Не снимай.

Ответить не успеваю. Машина уезжает, оставляя после себя запах выхлопа и влажной ночной прохлады.

В доме тихо. Из гостиной тянется полоска света, и еще с порога становится ясно — отец ждал.

Он сидит у окна в расстегнутой рубашке, осунувшийся, с усталым лицом. На столике рядом остывший чай, нетронутый бутерброд и таблетки.

При моем появлении поднимает голову.

— Где ты была?

— С Рябовым.

Взгляд тут же падает на кольцо.

Лицо меняется так быстро, что хочется отвернуться. Тревога уходит. Плечи опускаются. Даже цвет становится другим, живее, хотя до здорового ему далеко.

— Значит, все нормально, — произносит он почти себе под нос.

Во мне что-то неприятно дергается.

— Нормально?

— Я не это имел в виду.

— А что?

Отец трет переносицу.

— Сейчас не надо, Алина.

— Конечно. Главное, кольцо на месте.

— Ты не понимаешь, насколько это важно.

— Для тебя?

Он поднимает взгляд.

— Для всех нас.

Опять это «для всех».

Словно я в происходящем вообще не участвую.

Не дожидаясь ответа, иду к лестнице. Отец что-то говорит вслед, но голос остается внизу. На втором этаже витает запах полироли.

У двери Дарьиной комнаты невольно замедляю шаг. Ручка холодная.

Комнату не закрывают на ключ, но заходят сюда редко. После похорон отец пару раз говорил, что надо разобрать вещи. Потом замолчал. Мама бы не позволила оставить все так надолго, но мамы давно нет.

Внутри почти ничего не изменилось.

На кресле лежит кофта Дарьи. На туалетном столике — флакон духов, расческа, пара заколок, открытая коробочка с сережками. У зеркала приклеена старая фотография: мы вдвоем на фоне моря, Дарья смеется, я щурюсь от солнца и держу стакан с лимонадом.

На фотографии Дарья смеется так легко и открыто, что в груди начинает неприятно тянуть. Живая. Настоящая. Не та осторожная тень, в которую ее превратили после смерти — разговорами, жалостью и вечным молчанием вокруг ее имени.

Подхожу к шкафу и открываю дверцу. Платья висят плотно, некоторые в чехлах. Дарья любила яркие вещи, смелые. То, что я никогда бы не надела. Пальцы задерживаются на красной ткани.

Наверное, в том доме она бы смотрелась уместнее.

Мысль накрывает неожиданно и от этого становится почти физически тяжело. В том доме рядом с Рябовым должна была жить Дарья. Ходить по светлой кухне, открывать утром огромные окна, встречать гостей, сидеть с ним за одним столом.

Не я.

Меня словно поставили на чужое место, которое до сих пор принадлежит ей.

Воздуха становится мало. Опускаю взгляд на кольцо и вдруг не могу его видеть. Камень блестит нагло, неправильно, как вещь, взятая без разрешения.

Сдергиваю кольцо с пальца так резко, что металл болезненно царапает кожу. Оно выскальзывает из руки, ударяется о пол и с тихим звоном закатывается под письменный стол.

— Черт.

Опускаюсь на колени. Под столом темно, пыль цепляется к пальцам. Кольцо блестит у стены, рядом с ножкой. Тянусь к нему и задеваю что-то еще.

Маленькое. Пластиковое.

Достаю сначала кольцо, потом флешку.

Обычная черная, без наклеек. На корпусе царапина, сбоку след от лака для ногтей. Дарья вечно метила свои вещи чем попало, чтобы не потерять.

Сижу на полу, держа ее в ладони.

Можно положить обратно. Сделать вид, что ничего не находила.

Вместо этого иду в свою спальню с флешкой в руке.

Скидываю пиджак на кресло, включаю настольную лампу и сажусь за ноутбук. Пальцы почему-то медлят перед тем, как вставить флешку в разъем.

Глупо, но в этот момент почти хочется, чтобы она оказалась пустой.

Папки открываются одна за другой: «лето», «клуб», «разное», «не открывать».

Усмешка выходит невеселой. Дарья никогда не умела хранить секреты.

Сначала идут фотографии. Машины, вечеринки, какие-то террасы с огнями, незнакомые лица. Дарья на барном стуле с коктейлем в руке, в объятиях подруг, смеется прямо в камеру так открыто и дерзко, что я невольно останавливаюсь.

Эту версию сестры я почти не знала. Яркую, шумную, свободную.

Потом идут видео.

Нажимаю первое из папки «клуб».

Музыка бьет из динамиков так громко, что приходится убавить звук. Картинка дрожит. Цветные огни, лица, смех. Дарья стоит на столе босиком, в коротком платье, волосы растрепались, в руке бокал. Кто-то свистит. Она смеется, запрокидывает голову и танцует так откровенно, что у меня холодеют пальцы.

Это моя сестра.

Моя Дарья.

Она делает шаг назад, оступается. Бокал летит в сторону. Кто-то вскрикивает.

Илья появляется в кадре почти сразу. Подхватывает ее за талию, прижимает к себе, чтобы она не упала. Дарья смеется ему в лицо, обеими руками цепляется за его шею.

— Поймал, — кричит кто-то за кадром.

Сестра тянется к Илье. Почти касается губами его губ.

Видео дергается, кадр уходит в пол, потом обрывается.

Сижу перед экраном, не отрывая взгляда от остановившегося кадра.

Рука Ильи лежит у Дарьи на талии, а она смотрит на него так, как никогда не смотрела при мне.

В груди медленно расползается неприятное ощущение, словно все это время рядом со мной жил совсем другой человек.

Глава 16

Спать не получается.

Сначала кажется, что достаточно закрыть ноутбук, убрать флешку в ящик и лечь. Просто лечь, выключить свет, переждать ночь. Утром все будет выглядеть не так остро.

Не выходит.

Через десять минут снова сажусь за стол и открываю папку «клуб».

Видео запускаются одно за другим. Дарья смеется, танцует, спорит с кем-то за кадром, пьет из чужого бокала и машет в камеру. Незнакомая девушка поправляет ей волосы, парень в белой рубашке поднимает ее на руки, потом кадр дергается, и все хохочут.

Эта Дарья не похожа на ту, что я помню.

Моя сестра была громкой, да. Красивой. Смелой. Но здесь есть что-то другое. Свободное, дерзкое, почти вызывающее. Она входит в кадр так, словно вокруг все принадлежит ей: музыка, люди, взгляды, ночь.

На одном видео рядом с ней появляется Рябов.

Не сегодняшней ледяной стеной. Другой. Свободнее, без галстука, с расстегнутым воротом рубашки. Дарья что-то говорит ему на ухо, почти касаясь губами щеки, и смеется, когда он наклоняется к ней в ответ. Слова не разобрать из-за музыки, но выражение лица видно. Он слушает.

Внимательно.

Так, как сегодня смотрел на меня в ювелирном, когда надевал кольцо.

Пальцы ложатся на клавиатуру, но видео не останавливаю. Смотрю до конца, хотя внутри уже неприятно тянет.

На следующем ролике Илья стоит у барной стойки. Дарья подходит к нему сзади, кладет подбородок на плечо и что-то показывает в телефоне. Илья улыбается так, как когда-то улыбался мне, если я говорила глупость и не замечала этого.

К рассвету глаза режет от экрана. На столе стоит холодный кофе, который я даже не запомнила, когда принесла. Флешка все еще торчит из ноутбука. На экране остановленный кадр: Дарья между двумя мужчинами. С одной стороны Илья. С другой — Рябов. Оба смотрят на нее.

Внутри поднимается такая грязная, постыдная злость, что хочется закрыть лицо руками. Дарьи нет. Нельзя ревновать к мертвой сестре. Нельзя злиться на нее за то, что мужчины смотрели.

Но я злюсь. И больше всего на себя.

С трудом засыпаю, а когда встаю, время приближается к обеду.

Зеркало в ванной показывает бледное лицо, красные глаза и спутанные волосы. В таком виде меня можно пожалеть. А сегодня жалеть себя не хочется.

Хватит.

Из крана течет ледяная вода, но руки все равно горят. Смываю остатки вчерашней туши и долго стою, опершись ладонями о раковину.

Перед глазами снова всплывают кадры с флешки: красное платье, смех, босые ноги на столе, взгляды мужчин, которых она притягивала к себе без всяких усилий.

А я — удобная. Правильная. Та, которую можно поставить туда, где освободилось место.

Нет.

Возвращаюсь в ее комнату почти без решения. Просто иду. Шкаф открывается с тихим скрипом, внутри пахнет ее духами и тканью, которая долго висела без движения.

Красное платье нахожу не сразу. Оно в чехле, за несколькими светлыми вещами. Ткань скользит под пальцами, яркая, тяжелая, совсем не моя. На видео оно выглядело дерзко. В руках — почти вызывающе.

Несколько секунд стою с ним у шкафа.

Потом несу к себе.

Надеваю без зеркала. Молния заедает на спине, приходится выгнуть руку и несколько раз дернуть бегунок. Платье садится плотнее, чем я ожидала. Открывает плечи, подчеркивает талию, делает меня заметной еще до того, как я успеваю придумать, что с этим делать.

Перед зеркалом становится тихо.

На меня смотрит не Дарья, но не совсем я.

Нужную помаду нахожу в глубине косметички. Темнее, чем обычно. Волосы оставляю распущенными, только убираю от лица. Кольцо лежит на тумбочке, холодное и тяжелое.

Надеваю. Для себя ли, для Рябова или назло всему происходящему — уже не могу понять.

Внизу отец появляется у лестницы как раз тогда, когда я беру сумку. На лице сначала обычная усталость, потом взгляд падает на платье.

И замирает.

На долю секунды в глазах отца мелькает такое выражение, что внутри неприятно сжимается.

— Алина…

— Что?

— Это платье…

— Мое.

Ложь выходит легко.

Отец смотрит еще пару секунд. Потом замечает кольцо и будто заставляет себя выдохнуть.

— Водитель уже подъехал.

— Я слышала.

— Только… не надо сегодня ничего портить.

Смех получается тихий и злой.

— Конечно. Главное, чтобы я ничего не испортила.

Ответа он не находит.

В машине водитель вежливо открывает дверь и тут же отводит взгляд. Отлично. Значит, платье работает.

Дорога до ресторана проходит в неприятной тишине. Чем ближе, тем сильнее хочется развернуться домой. Пальцы то и дело касаются ткани на бедре. Платье Дарьи. Запах ее комнаты, кажется, въелся в кожу.

Перед входом в ресторан стоят несколько машин. Внутри мягкий свет, дорогие костюмы, негромкие голоса. Хостес улыбается, спрашивает фамилию, но тут же узнает водителя и провожает меня вглубь зала.

Рябов стоит у окна с двумя мужчинами и женщиной в сером костюме. В руках бокал воды, лицо собранное, деловое. Такой, каким его удобно ненавидеть: уверенный, закрытый, без единой лишней эмоции.

Потом он поднимает голову.

Взгляд останавливается на мне.

Нет, не на лице.

На платье.

Разговор рядом с ним продолжается еще пару секунд, потом один из мужчин что-то спрашивает. Рябов не отвечает. Ставит бокал на столик и идет ко мне.

Шаги ровные, но челюсть напряжена так, что это видно даже издалека.
Рядом с ним воздух в зале становится плотнее.
— Добрый вечер, — произношу первой.
Он останавливается близко. Намного ближе, чем принято при людях.
— Зачем ты нацепила это платье?
Голос звучит тихо, но за внешним спокойствием чувствуется злость.
Внутри что-то болезненно радуется. И тут же становится противно.
— А что с ним не так?
— Не играй со мной.
— Это просто платье.
Рябов смотрит мне в глаза. Долго.
Потом произносит:
— Нет, Алина.

Глава 17

Смотрю на него, и внутри все сжимается.

— Это просто платье.

Голос звучит не так уверенно, как хотелось бы.

Он делает шаг. Теперь между нами почти нет пространства.

— Ты вышла из дома в этом? Зная, что здесь будут люди? Мои партнеры, друзья, полный зал мужчин?

— А что, мне нужно твое разрешение, чтобы как-то одеваться?

Усмехается коротко и зло.

— Теперь да.

Пытаюсь ответить, но он не дает.

— Ты моя невеста. Не смей появляться на людях в таком виде, чтобы тебя разглядывали, как…

Не договаривает.

И не надо.

Щеки горят. Стыд? Злость? Одно и то же сейчас.

— Ты не смеешь указывать мне…

— Смею. — Перебивает, даже не повышая голоса. — И буду. Пока носишь это кольцо.

Пальцы сжимают запястье. Коротко, сильно.

Отпускает.

— Ужинаем. Ведешь себя скромно. Потом поговорим.

Разворачивается и идет к столу. Даже не оборачивается — знает, что пойду за ним. И я иду, куда деваться.

Рябов кивает партнерам, представляет меня: «моя невеста». Слова звучат тяжело, будто камни падают в воду.

Слева — мужчина лет сорока, улыбается нагловато, смотрит чуть дольше, чем принято. Напротив — другой, переводит глаза с моего лица на декольте и обратно. Не скрывает даже.

Плечи открыты. Ткань платья скользит при каждом движении — кожей чувствую, как на мне задерживаются липкие взгляды.

Рябов все замечает.

Кладет руку на спинку моего стула. Демонстративно, по-собственнически, чтобы всем было видно: моя.

Его пальцы под столом сжимают мое колено. Коротко, предупреждающе.

Дергаюсь. Только поздно, он уже убирает руку.

— Выпей вина. — Голос тихий, почти спокойный. — Расслабься. Ты слишком напряжена.

— Может, потому что ты ведешь себя как…

— Как твой жених. — Заканчивает за меня. — Привыкай.

Беру бокал. Вино горчит.

Краем глаза наблюдаю за ним. Сидит ровно, улыбается партнерам, кивает. Спокойный. Холодный.

Таким он был с Дарьей?

Мысль приходит некстати и впивается под ребра. Наверняка смотрел на нее иначе. Не огрызался. Не командовал на каждом шагу. Она умела носить такие вещи — легко, свободно. Не как я сейчас, когда каждую секунду хочется одернуть подол или прикрыть плечи.

Ему в этом платье Дарья нравилась. А на меня он только злится.

Пью еще. Вино не становится слаще.

Ужин тянется долго. Улыбаюсь, киваю, отвечаю на вопросы. Рябов рядом — спокойный, собранный. Никто не видит, как иногда сжимается его челюсть.

Наконец гости поднимаются. Прощаемся. Короткие рукопожатия, дежурные фразы.

Выхожу первой. Каблуки цокают по асфальту. Слышу шаги за спиной.

У машины он открывает дверь раньше, чем я успеваю дотянуться.

— Садись.

— Я сяду, когда перестанешь…

— Садись, Алина.

Голос тихий, но в нем железо. Сажусь.

Он обходит машину и устраивается рядом. Двигатель заводится, и мы выезжаем со стоянки.

Смотрит прямо перед собой. Я — в окно. Платье становится душным, чужим.

Молчим несколько минут. Потом он поворачивается.

— Ты весь вечер отвлекала на себя внимание.

— Ты просил улыбаться.

— Не так.

Наклоняется ближе. Не касается. Просто заполняет пространство собой.

— Ты невеста. Моя. Это значит — при людях никто не рассматривает тебя как вариант.

— Никто и не…

— Не перебивай.

Голос ровный. От этого по коже холод.

— Сделала — получила. Завтра поедем подбирать тебе подобающий гардероб.

— Мне ничего не нужно.

Даже не отвечает, просто отворачивается обратно к дороге.

Машина останавливается у моего дома. Выхожу, не глядя на него. Дверь захлопывается, и он уезжает.

Стою на крыльце, провожая его взглядом. Платье жжет там, где он даже не коснулся.

Глава 18

Снимаю туфли, бросаю сумку на кресло и подхожу к зеркалу. Красная ткань плотно обхватывает талию, открытые плечи кажутся почти вызывающими. В ресторане это помогало держаться. Здесь, в тишине собственной спальни, платье выглядит чужой кожей.

Вряд ли Рябов его узнал. Если бы понял, откуда оно взялось, промолчать бы не смог. Хотя полной уверенности нет. От этой мысли внутри снова неприятно сжимается. Пальцы скользят по ткани на бедре, и перед глазами возникает его лицо в ресторане: напряженное, раздраженное, лишенное обычной невозмутимости.

— Зачем ты нацепила это платье?

Не почему надела. Не где взяла. Нацепила.

В его голосе было что-то большее, чем раздражение из-за неподходящего наряда.

Сердце предательски ускоряет ритм, и вместе с этим поднимается злость на саму себя. Мысль не отпускает: он ревновал.

От этого становится жарко.

А потом стыдно так, что хочется отвернуться от собственного отражения.

Такому нельзя радоваться. Даже думать о таком не стоит. Рябов был рядом с Дарьей. Она смеялась ему в лицо на тех видео, наклонялась, касалась руки. А теперь я стою в ее платье и пытаюсь понять, хотел ли он спрятать меня от чужих взглядов.

Господи.

Сдергиваю платье злым движением и убираю обратно в чехол.

Телефон вибрирует на тумбочке.

Сообщение от Рябова.

«Заеду в 11».

Ни вопроса. Ни пояснений.

Пальцы зависают над экраном. Хочется написать что-нибудь резкое. Потом просто бросаю телефон на кровать.

Сон приходит ближе к утру.

Сначала снится клуб. Цветные вспышки, музыка, смех. Дарья в красном платье стоит на столе и тянет Рябова за руку. Тот смотрит на нее снизу вверх, почти улыбается. Потом она спускается, подходит к нему ближе. Между ними остается меньше ладони.

Дарья смеется.

Рябов наклоняется.

Еще секунда — и он ее поцелует.

Только в следующий миг на месте Дарьи уже я.

Красная ткань липнет к коже, музыка давит на виски. Рябов смотрит прямо на меня. Его ладонь поднимается к моему лицу, большой палец касается уголка губ.

Просыпаюсь рывком.

В комнате серое утро. Сердце колотится, простыня сбилась у ног. Несколько секунд приходится просто лежать и смотреть в потолок.

Телефон показывает девять двадцать.

В одиннадцать он будет здесь.

Долго умываюсь холодной водой. На этот раз выбираю обычное платье. Темное, закрытое, без попыток что-то доказать. Волосы собираю низко, помаду не трогаю. Хватит. Вчера уже доказала.

Рябов приезжает ровно в одиннадцать.

Машина стоит у ворот, он выходит навстречу с телефоном в руке. Лицо такое, словно вчерашнего ресторана не было.

— Доброе утро.

— Куда мы едем?

— Увидишь.

— Опять.

Рябов открывает дверь машины.

— Садись.

Несколько секунд смотрю на него, потом все-таки сажусь. Устраивать сцену у ворот уже надоело.

Дорога проходит почти молча. Вчерашний сон никак не уходит из головы. Смотрю в окно, но в стекле все равно вижу его профиль. Ровный, собранный. Ни следа того мужчины из сна, который касался моих губ.

— Плохо спала? — спрашивает он.

— Не твое дело.

— Значит, плохо.

— Ты всегда такой невыносимый с утра?

— Нет. Только с тобой.

Ответ выбивает на секунду. Поворачиваюсь, но Рябов уже смотрит на дорогу.

Машина останавливается у салона с большими светлыми окнами. На вывеске — название свадебного ателье.

В груди что-то неприятно сжимается.

— Ты серьезно?

— До свадьбы меньше недели.

— И ты решил вспомнить о платье сейчас?

— А когда?

Девушка консультант встречает нас у входа так, словно ждала именно эту минуту всю жизнь.

— Добро пожаловать. Мы подготовили несколько вариантов.

Не успеваю возразить, как меня уже уводят в примерочную. Первое платье оказывается слишком пышным. Второе садится плохо в плечах. Третье делает меня похожей на перезревшую тетку на торжественном фото.

— Может, хватит? — спрашиваю, когда девушка приносит еще один чехол.

— Попробуем последнее, — мягко отвечает она. — Думаю, это будет лучше.

Платье внутри кажется простым. Без лишнего блеска и огромной юбки. Ткань плотная, холодная. Спина закрыта тонкой сеткой, рукава длинные, но линия талии такая точная, что я замолкаю еще до того, как консультант застегивает последнюю пуговицу.

— Посмотрите.

Выхожу к зеркалу.

И на несколько секунд забываю, что собиралась злиться.

Платье не делает меня похожей на Дарью. В зеркале стою я. Бледная после бессонной ночи, с упрямо сжатым ртом и кольцом на пальце. Но не чужая.

Настоящая невеста.

От этой мысли становится страшно.

— Очень красиво, — произносит девушка.

Не отвечаю. Поднимаю взгляд в зеркале и вижу Рябова за спиной.

Он стоит у кресла, руки опущены, лицо без привычной насмешки.

Воздух застревает в груди. Хочется спросить, видел ли он Дарью в белом. Думал ли о ней такой. Но вопрос рассыпается, не успев стать словами.

Потому что сейчас его взгляд не уходит в прошлое. Он смотрит на меня так, словно весь салон исчез вместе с консультантами, зеркалами и чужими платьями.

— Подходит, — произносит он хрипло.

Консультант улыбается.

— Тогда будем подгонять по фигуре?

— Да, — отвечает Рябов.

— Я еще не сказала, что согласна.

Он переводит взгляд в зеркале на мои глаза.

— Скажешь.

Злиться на эту уверенность привычно. Но сейчас почему-то не получается. Сначала хочется еще раз посмотреть на отражение.

Примерка заканчивается через полчаса. С меня снимают мерки, уточняют посадку, обсуждают срок. Рябов оплачивает все без вопросов. У выхода открывает передо мной дверь, как будто ничего особенного не случилось.

— Поехали.

— Куда теперь?

— Увидишь.

— Я начинаю ненавидеть это слово.

— Заметил.

На этот раз машина останавливается у бутика, где в витрине висят купальники, легкие платья, шляпы и пляжные сумки. Несколько секунд смотрю на стекло, не понимая.

Потом поворачиваюсь к Рябову.

— Зачем мы здесь?

Он убирает телефон в карман.

— Для медового месяца.

Сначала кажется, что ослышалась.

— Какого еще медового месяца?

В его взгляде появляется спокойная, почти опасная уверенность.

— Нашего.

Глава 19

Несколько секунд просто смотрю на него, не сразу понимая, что именно он сказал.

Витрина за его спиной сияет мягким светом. Купальники на манекенах, льняные рубашки, шляпы с широкими полями. Все легкое, летнее, почти беспечное. Ничего общего с тем, что происходит у меня внутри.

— Мы не обсуждали медового месяца.

Рябов не выглядит удивленным.

— Обсуждать особо нечего.

— Серьезно?

— Да.

Сжимаю ручку сумки.

— То есть ты просто решил?

— У нас через несколько дней свадьба. После свадьбы обычно бывает медовый месяц.

— У нас необычная свадьба.

— Для остальных — обычная.

От этой фразы внутри поднимается усталая злость. Даже не острая, а какая-то тяжелая, как после бессонной ночи.

— Даже в отпуске будем изображать счастливую пару?

— Особенно там.

— Почему?

— Потому что люди любят смотреть и делать выводы.

За лобовым стеклом ярко освещенная витрина кажется частью чужой жизни, к которой я не имею никакого отношения.

— Зайдем.

— Нет.

Он смотрит на меня внимательнее.

— Алина.

— Я сказала нет.

— Тебе нужна одежда.

— У меня есть одежда.

— Для отдыха на море?

Слово «море» неприятно цепляет, но пока не складывается ни во что конкретное. Просто становится холоднее, хотя солнце бьет в стекло.

— Я не собираюсь примерять купальники, пока ты стоишь рядом и указываешь, что мне подходит.

— Я не планировал выбирать вместо тебя.

— Правда?

— Да. Возьмешь все, что захочешь. Купальники, платья, обувь. Любые твои капризы.

Сказано без нажима, почти мягко.

Похоже, Рябов действительно хочет сделать приятное. Только почему-то вместо благодарности представляю других женщин рядом с ним. Красивых, уверенных, умеющих принимать дорогие подарки как нечто само собой разумеющееся. Женщин, которых не пугают купальники, медовые месяцы и мужчины вроде него. От одной мысли, что кто-то сидел рядом с ним в этой машине задолго до меня, внутри начинает неприятно жечь.

И мне вдруг становится дурно: примерочная, тонкая ткань, зеркало, его взгляд за спиной. Даже если он будет ждать снаружи, я все равно буду знать, что он там.

— Любые капризы? — переспрашиваю.

— В пределах разумного.

— Как щедро.

В его лице мелькает раздражение.

— Что опять не так?

Слова застревают. Как объяснить, что не так все? Сон, свадебное платье, его взгляд в салоне, этот разговор о медовом месяце. Все смешалось в один тугой узел.

— Или ты думаешь, я хожу в обносках?

— Не передергивай.

— А как это понимать?

— Как предложение купить тебе вещи.

— Мне не нужны вещи.

— А что тебе нужно?

Вопрос звучит неожиданно. Без привычной железной уверенности.

На секунду даже хочется ответить честно.

Покой. И чтобы ты хотя бы раз спросил, чего хочу именно я. Пару дней без чужих решений. Без Дарьи в голове. И твоего голоса, от которого я то злюсь, то перестаю нормально думать.

Но этого говорить нельзя.

— Домой, — произношу наконец. — Отвези меня домой. Я устала.

Рябов молчит.

Не спорит. Только смотрит, и от этого молчания становится неуютно.

— Поужинаем, — говорит он после паузы. — Нормально. Без примерок и магазинов.

Почти приглашение.

И именно поэтому отказ дается труднее.

— Нет.

— Ты сегодня ничего не ела.

— Я хочу домой.

Несколько секунд кажется, что он все-таки начнет спорить. Потом Рябов кивает водителю.

— К дому Воронцовых.

В машине становится тесно от недосказанного. Я смотрю в окно, он — в телефон, держит аппарат в руке, как будто ему тоже нужно чем-то занять пальцы.

День получается странный. Свадебное платье до сих пор стоит перед глазами и тот его взгляд. Но вместо того чтобы держаться за это, я опять все испортила.

Хотя, может, нечего было портить.

Молчание тянется несколько кварталов.

— Куда ты вообще собрался везти меня в этот медовый месяц? — спрашиваю, не поворачиваясь.

— По Средиземному морю.

Плечи напрягаются раньше, чем я понимаю почему.

— Куда именно?

— Маршрут еще уточняю. Италия, Греция, возможно, юг Франции.

— На чем?

Рябов наконец поднимает взгляд от телефона.

— На моей яхте.

Мир вокруг будто резко теряет звук.

Фары машин за окном расплываются в длинные полосы. В груди становится пусто и холодно.

Яхта.

Дарья.

Последняя поездка.

Фотографии в новостях. Сухие фразы. «Несчастный случай». «Не вернулась после прогулки». Отец, который сидел у телефона белый, как стена.

Пальцы вцепляются в сумку.

— Нет.

Голос выходит тихим.

Рябов поворачивается ко мне.

— Что?

Смотрю на него и вдруг понимаю: он действительно не ждал такой реакции. Не подготовил ответ.

— Я не поеду на твоей яхте.

Глава 20

Рябов смотрит на меня несколько секунд, и впервые за день в его лице появляется не раздражение, а что-то другое.

— Из-за Дарьи? — спрашивает он.

От ее имени в машине становится теснее.

— А ты правда не понимаешь?

Телефон лежит у него на колене экраном вниз. Пальцы больше не касаются корпуса.

— Дарья погибла не на моей яхте.

Внутри все обрывается, но не от облегчения. От ярости.

— Не надо.

— Что именно?

— Делать вид, что это что-то меняет.

— Это меняет многое.

Поворачиваюсь к нему всем корпусом. Ремень безопасности врезается в плечо.

— Для кого? Для тебя? Потому что так удобнее?

— Потому что это правда.

— Правда? — усмехаюсь, но голос выходит тоньше, чем хочется. — Официально она поехала с тобой. Все это знают.

— Не все, — говорит Рябов.

Водитель смотрит только на дорогу. Машина идет ровно, мимо магазинов, остановок, людей с пакетами. У всех обычная жизнь. Светофоры, звонки, планы на ужин.

А у меня в голове снова море и Дарья.

— Что значит «не все»?

Рябов молчит.

— Говори.

Он медленно выдыхает.

— Дарья была не со мной.

Сначала даже не понимаю фразы. Она не помещается в то, что я знаю, во что верила целый год.

— Ты врешь.

— Алина.

— Не смей. — Пальцы сжимаются на сумке. — Не смей сейчас перекладывать это на кого-то еще.

Лицо Рябова становится жестким.

— Я не перекладываю.

— Тогда что ты делаешь?

— Говорю то, что ты давно должна была узнать.

Машина поворачивает, и свет от витрин пробегает по его лицу. Ни тени растерянности. Ни виноватого взгляда. Только злость, которую он удерживает с таким усилием, что от нее холоднее, чем от любого крика.

— С кем она была? — спрашиваю почти шепотом.

На скулах Рябова проступают желваки.

— Ты действительно хочешь это услышать?

— Да.

Он несколько секунд молчит.

— С Крыловым.

Воздух исчезает.

Не так, как утром в свадебном салоне, когда он смотрел на меня в зеркале. Там в груди все застряло от страха и чего-то похожего на желание.

Сейчас — от удара.

— Замолчи.

— Это правда.

— Замолчи!

Водитель едва заметно напрягается, но не вмешивается.

— Ты сейчас настолько низко падаешь, что даже я не ожидала.

Рябов резко поворачивается ко мне.

— Осторожнее.

— Нет. Это ты осторожнее. — Голос дрожит, и я ненавижу эту дрожь. — Илья был в командировке. Дарья была с тобой. А теперь, когда тебе удобно, ты решил, что можно сломать все, что у меня осталось?

— Что именно осталось? Ложь?

— Память о сестре.

— Память не становится чище от того, что ты закрываешь глаза.

Щеки вспыхивают.

— Какая же ты сволочь.

Он отворачивается к окну.

— Возможно.

Такой ответ выбивает сильнее спора.

— Останови машину.

Водитель бросает взгляд в зеркало.

— Алина, не надо устраивать…

— Останови машину.

Рябов смотрит на меня уже без прежней злости. Взгляд становится глухим, упрямым.

— До дома пять минут.

— Мне все равно.

— Ты не выйдешь на дороге.

— Ты мне не отец.

— И слава богу.

Машина не останавливается.

К дому мы подъезжаем в такой тишине, что слышно, как щелкает поворотник. Когда водитель тормозит у ворот, отстегиваю ремень и выхожу раньше, чем он успевает открыть дверь.

Рябов тоже выходит.

— Алина.

— Не подходи.

Он останавливается у машины.

— Ты не обязана верить мне сейчас.

Смеюсь коротко, зло.

— Спасибо за разрешение.

— Но однажды тебе придется перестать держаться за удобную версию.

— Удобную? — оборачиваюсь к нему. — Ты правда думаешь, что мне удобно считать тебя виноватым?

— Думаю, тебе проще ненавидеть меня, чем признать, что люди, которых ты любила, могли тебе лгать.

На секунду становится так больно, что даже ответить нечем.

Потом злость возвращается.

— Уезжай.

Рябов смотрит еще несколько секунд. Потом садится в машину. Дверь закрывается тяжело, и вскоре красные огни исчезают за поворотом.

В доме горит свет, но к отцу не иду. Поднимаюсь к себе, закрываю дверь и только тогда понимаю, что все еще держу сумку обеими руками.

Пальцы разжимаются с трудом.

Рябов врет.

Илья был в командировке. Он сам говорил. Тогда все смешалось: звонки, полиция, похороны, отец, который почти не вставал с кресла. Илья вернулся после этой своей поездки и приехал ко мне.

Помню его в прихожей.

Темная куртка. Белая рубашка. Лицо усталое. Он обнял меня так крепко, что стало больно, а потом долго не отпускал.

Тогда я решила, что ему тоже тяжело. Что он не знает, как говорить со мной об утрате.

Но сейчас память вдруг вытаскивает другое.

Загар.

Легкий, ровный. Не офисный.

И запах моря.

Нет. Не моря. Наверное, одеколон. Или просто я сейчас придумываю.

Сажусь на край кровати.

Илья тогда почти не смотрел мне в глаза. Сидел рядом, держал за руку, но стоило мне заговорить о Дарье, он вставал. Наливал воду. Искал таблетки. Звонил отцу.

Заботился.

Или избегал?

— Нет, — говорю вслух.

Комната отвечает тишиной.

Рябов знает, куда бить. Он видел видео? Нет, не мог. Флешка у меня. Но мог знать и без нее.

Дарья с Ильей.

Мысль сама по себе грязная. Невозможная.

Поднимаюсь, начинаю ходить по комнате. От окна к двери, от двери к шкафу. В голове одна за другой всплывают мелочи, которые тогда ничего не значили.

Дрожь проходит по спине. Подхожу к столу, беру телефон. Экран загорается, палец сам находит имя Ильи в списке контактов.

Если Рябов врет, я сейчас играю по его правилам. Сомневаюсь, проверяю, разрушаю все своими руками.

Если не врет…

Додумать не получается.

Нажимаю вызов.

Гудки идут долго. Один. Второй. Третий.

Почти готова сбросить, когда в динамике раздается знакомый голос:

— Алина? Что-то случилось?

Глава 21

Илья произносит мое имя, и по нервам проходит неприятный холодок.

Еще вчера в нем было что-то безопасное, привычное, из той прежней жизни, где все казалось понятным: Дарья погибла, Рябов виноват, Илья рядом, а мне нужно только удержаться и не развалиться окончательно.

Теперь каждое слово звучит иначе.

— Где ты был в день, когда погибла Дарья?

На другом конце линии повисает тишина, не похожая на обычную заминку перед ответом. Глухая, напряженная, она растягивается на несколько долгих секунд.

— Алина, что происходит?

Пальцы сильнее сжимают трубку.

— Ответь.

— Я же говорил. В командировке.

— Где именно?

— Ты звонишь мне ночью, чтобы устроить допрос?

— Где, Илья?

Он выдыхает. Слишком долго молчит перед этим простым ответом.

— В Барселоне.

Сердце неприятно дергается.

Испания. В памяти снова всплывает загар Ильи, который тогда не вызвал вопросов. Возможно, я просто не хотела задумываться об этом.

— Один?

— Что?

— Ты был один?

— Алина…

— Рябов сказал, что Дарья была с тобой.

Тишина затягивается. Еще минуту назад я ждала смеха, возмущения, обвинений в том, что сошла с ума. Вместо этого Илья молчит.

— Значит, правда, — произношу сдавленно.

— Все было не так, как он тебе подал.

Воздуха становится меньше.

— Но было.

— Послушай.

— Было?

На этот раз пауза короче.

— Да.

Слово падает глухо, но без взрыва. Наверное, потому что часть меня уже знала. Просто не желала принимать эту правду.

— Ты был с моей сестрой.

— Я не хотел, чтобы ты узнала так.

Смеюсь. Звук выходит чужим.

— Как благородно.

— Алина.

— Не называй меня так.

— Мне нужно объяснить.

— Объяснить что? Почему ты спал с Дарьей, пока собирался жениться на мне?

Молчание оказывается ответом.

Опускаюсь на край кровати. Ноги вдруг перестают держать. Комната остается прежней: настольная лампа, кресло у окна, сумка на полу. Только внутри все сдвигается и больше не встает на место.

— Ты любил ее? — спрашиваю глухо.

Вопрос выходит глупый и унизительный, но уже поздно.

— Да.

На этот раз боль острая. Живая.

Почти хочется услышать ложь. Любое объяснение, которое позволило бы считать случившееся ошибкой. Но Илья не пытается облегчить этот удар и говорит именно то, что ранит сильнее всего.

— А меня?

— Не надо.

— Ответь.

— Не сейчас.

Ладонь становится влажной, телефон скользит.

— Дарья погибла на яхте с тобой?

— Там было все не так.

— Что именно?

— Это не телефонный разговор.

— Нет. Теперь как раз лучше по телефону. Потому что я могу не выдержать и тебя ударить.

— Я понимаю, что ты злишься.

— Ты ничего не понимаешь.

Пауза затягивается.

— Почему ты молчал целый год?

— Ты бы меня не простила.

— А теперь должна?

— Но теперь скрывать уже бессмысленно.

Сердце колотится где-то в горле.

— А Рябов?

— Что Рябов?

— Он сказал, что не хотел меня ранить.

В трубке раздается короткий выдох.

— Может быть.

— Ты в это не веришь.

— Скажем так: если бы Арсений действительно хотел только защитить тебя, многое могло бы выглядеть иначе.

— О чем ты?

— О том, что не все решения он принимает ради тебя.

— Что это значит? Что произошло тогда на яхте?

В трубке слышно только дыхание.

— Не по телефону.

— Почему?

— Потому что после этого разговора тебе придется отменить свадьбу.

— Тогда расскажи.

— Завтра. У меня.

Связь обрывается.

Некоторое время сижу с телефоном у уха, хотя в трубке уже только короткие гудки. Потом опускаю руку.

Комната снова становится настоящей.

Рябов знал. Илья был с Дарьей. Все остальное тонуло в догадках, недомолвках и той проклятой яхте, о которой оба говорили так, словно боялись произнести лишнее.

Свадьба.

Слово возникает внезапно.

Через несколько дней я должна выйти замуж за человека, который целый год слушал, как я обвиняю его в смерти Дарьи, и ни разу не попытался рассказать правду. Смотрел мне в глаза, надевал кольцо, выбирал свадебное платье, говорил про медовый месяц и молчал.

От этой мысли внутри все сильнее стягивается узлом. Поднимаюсь. Колени дрожат, но идти все равно приходится. В коридоре темно, только снизу пробивается свет. Отец еще не спит.

На лестнице слышу его голос. Низкий, взволнованный.

— Да, понимаю… Конечно… Если ты считаешь, что так лучше...

Замираю на ступеньке.

Отец стоит внизу, у окна в гостиной. Телефон прижат к уху, вторая рука сжимает край подоконника. Плечи напряжены.

— Хорошо, — говорит он наконец. — Я ей скажу.

Разговор заканчивается.

Спускаюсь ниже.

— Что ты мне скажешь?

Отец резко оборачивается. Лицо бледное, глаза болезненно блестят.

— Алина. Ты не спишь?

— Что случилось?

Он смотрит на телефон в руке, потом на меня. Несколько секунд не отвечает, и за это время внутри успевает похолодеть.

— Звонил Рябов. Свадьбу перенесли.

В груди неожиданно становится легче. Если свадьбу перенесли, значит, еще не поздно все обдумать и понять, что происходит.

— На когда? — спрашиваю.

Отец медленно выдыхает.

— На завтра.

Глава 22

— На завтра?

Голос получается глухим.

Отец отворачивается к окну, и это говорит больше любого ответа. В гостиной горит только торшер у дивана, поэтому его лицо кажется серым и усталым. Телефон он все еще держит в руке.

— Регистрация в десять.

Некоторое время просто смотрю на него.

— Что?

— Платье привезут к девяти. Визажист и парикмахер приедут раньше. Машина тоже будет.

Платье, визажист, машина — отец перечисляет все таким тоном, словно речь идет не о моей жизни, а о расписании, в котором мне просто забыли оставить место для собственного решения.

— Ты сейчас серьезно?

Отец проводит ладонью по лицу.

— Да.

— И ты просто согласился?

— Алина…

— Нет, подожди. — Ступенька под ногами вдруг кажется ненадежной. Спускаюсь ниже, держась за перила. — Рябов звонит ночью, говорит, что свадьба завтра, и ты отвечаешь: хорошо?

— Все уже подготовлено.

— Кем?

— Им.

Смеюсь коротко, с еле сдерживаемой злостью.

— Конечно. Им. А меня кто-нибудь собирался спросить?

Отец поднимает взгляд. В нем нет ни сочувствия, ни сомнений.

— Ты сама согласилась на этот брак.

— Не на свадьбу через несколько часов.

— Разница не такая большая.

— Для меня большая.

Он молчит.

— Почему завтра?

— Не знаю.

— Ты спросил?

Отец кивает.

— И?

— Арсений сказал, что ждать дольше не имеет смысла.

Эта фраза режет сильнее остальных.

Почему? Из-за Ильи, Дарьи, компании? Или из-за чего-то, о чем мне опять никто не собирается говорить?

— И тебя это устроило?

Отец сжимает телефон так, что костяшки пальцев белеют.

— Меня давно мало что устраивает. Но сейчас у нас нет роскоши выбирать удобные варианты.

— У нас или у тебя?

Он вздрагивает, словно я ударила.

На секунду становится стыдно, но злость сильнее.

— Алина, я понимаю, ты волнуешься…

— Ты ничего не понимаешь.

— Возможно.

Этот тихий ответ выбивает резкость лучше любого крика.

Отец опускается в кресло у окна. Ворот рубашки расстегнут, волосы взъерошены. За последние месяцы он постарел так быстро, что иногда смотреть на него почти больно.

Но сейчас боль не помогает.

— Я не могу завтра выйти за него.

Он закрывает глаза.

— Тогда все рухнет.

— Пусть.

Отец открывает глаза.

— Ты не знаешь, о чем говоришь.

— Зато начинаю понимать, что все вокруг считают меня частью сделки.

— Это не так.

— А как?

В тишине вдруг становится слышно, как тикают часы на стене. До десяти утра остается совсем мало времени.

Разворачиваюсь и поднимаюсь наверх.

— Алина!

Не отвечаю.

В комнате хватаю телефон. Имя Рябова находится в списке последних вызовов. Нажимаю.

Гудки идут долго.

Один. Второй. Третий.

Потом звонок сбрасывается.

Смотрю на экран несколько секунд и звоню снова.

Теперь он вообще не отвечает.

Пальцы дрожат от злости. Открываю сообщения, пишу быстро, почти не попадая по буквам:

«Что значит свадьба завтра?»

Сообщение уходит.

Никакого ответа.

Еще одно:

«Позвони мне».

Тишина.

Телефон хочется швырнуть в стену. Вместо этого сжимаю его так крепко, что начинает болеть ладонь.

Еще утром все казалось сложным. Теперь происходящее напоминает ловушку, которая захлопывается прямо у меня на глазах.

Нет.

Ждать я не буду.

Сумка уже стоит у двери. Подхватываю ее на ходу, выдергиваю ключи из кармана и на секунду задерживаюсь перед зеркалом. Из отражения смотрит незнакомая женщина с напряженным лицом и потемневшими от злости глазами. Плевать.

На лестнице отец снова выходит из гостиной.

— Ты куда?

— К Рябову.

— Сейчас ночь.

— Он почему-то ночью звонить умеет.

— Алина, не надо.

— Надо.

Дверь закрывается за спиной тяжелее, чем обычно.

Ночной воздух освежает и помогает прийти в себя. Машина заводится не сразу, и я успеваю дважды пожалеть о решении. Потом двигатель все-таки оживает.

Дорога до комплекса Рябова кажется короткой и бесконечной одновременно. Ночной город почти пустой. Светофоры меняются для машин, которых нет. В голове крутится одно: завтра в десять.

У комплекса стеклянный холл светится ровным белым светом. Охранник за стойкой поднимает голову, когда я вхожу.

— Доброй ночи, Алина Александровна.

От того, как легко он произносит мое имя, становится не по себе.

— Мне нужен Арсений Михайлович.

— Его сейчас нет.

— Где он?

— Не могу знать.

— Позвоните ему.

— Он предупреждал, что может быть недоступен.

Конечно.

— Я подожду.

Охранник не удивляется. Не спрашивает, почему я приезжаю ночью. Просто нажимает несколько кнопок и открывает проход к лифтам.

— Можете подняться. Вы внесены в доступ.

В доступ.

Почти жена. Вещь, которую уже оформили в системе.

Лифт поднимается бесшумно. На нужном этаже тихо и пахнет дорогим деревом, камнем, прохладой. Дверь квартиры Рябова открывается ключом, который дал охранник.

Внутри темно.

Некоторое время стою на пороге, не решаясь войти. Потом все-таки делаю шаг.

Квартира встречает тишиной и слабым светом ночного города за панорамными окнами. Пространство большое, сдержанное, почти пустое. Никакого беспорядка или случайных вещей. На столе закрытый ноутбук, рядом стакан с водой, аккуратно сложенные бумаги.

Здесь все выглядит так, словно хозяин приходит только ночевать. Ни фотографий, ни случайно брошенных вещей, ни следов чужого присутствия.

Сажусь на край дивана и кладу сумку рядом. Сначала злость держит прямо. Спина напряжена, пальцы сжаты. В голове одна за другой вспыхивают фразы, которые я скажу, когда он появится.

Как ты посмел?

Почему молчал?

Зачем перенес свадьбу?

Проходит десять минут.

Потом еще.

Телефон молчит. Квартира тоже.

За окнами редкие машины скользят по мокрому асфальту. Где-то внизу хлопает дверь подъезда. Лифт один раз приезжает на этаж, но уходит дальше.

Слова, которые я готовила, постепенно теряют остроту. На их месте появляется усталость. А за ней — неприятное, липкое сомнение.

Где он? Почему не отвечает?

И что я вообще делаю ночью в его квартире?

Поднимаюсь, прохожу к окну. Город внизу выглядит чужим. В отражении стекла вижу себя среди его вещей.

Надо уехать.

До утра ничего не решится. Здесь я только выгляжу жалко.

Беру сумку и иду к двери.

В этот момент снаружи щелкает замок.

Тело замирает раньше, чем успеваю подумать.

Дверь открывается.

На пороге стоит Рябов.

В темном костюме, с ослабленным галстуком и лицом человека, который держался весь день и только что перестал. Взгляд тяжелый, темный. В воздухе вместе с холодом улицы появляется тонкий запах виски.

Он видит меня.

Останавливается, потом закрывает дверь за спиной и медленно снимает пиджак, не отводя взгляда.

В его глазах нет привычной насмешки и деловой холодности. Только злость, усталость и еще что-то горячее, опасное, от чего у меня пересыхает во рту.

— Я собирался дать тебе время.

Голос звучит хрипло.

Сердце на мгновение сбивается с ритма.

— Для чего?

Уголок его рта едва заметно дергается.

— Хороший вопрос.

Взгляд скользит по моему телу и снова возвращается к глазам.

— Но ты решила приехать сама.

Все слова исчезают.

Только теперь до меня по-настоящему доходит, насколько плохой была эта идея.

Ночь.

Его квартира.

Закрытая дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.